

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №32 (230)

Тихоокеанская Россия в планах и
стратегиях государств
Азиатско-Тихоокеанского региона

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах.

С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihafe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Содержание

Предисловие	2
<i>Л.Н. Гарусова.</i> Интересы и стратегии США	3
<i>С.А. Иванов.</i> Интересы и стратегии Китая	10
<i>В.В. Кожевников.</i> Интересы и стратегии Японии	12
<i>А.В. Полутов.</i> Морская стратегия и политика Японии	16
<i>И.А. Толстокулаков.</i> Интересы и стратегии государств Корейского полуострова	20
<i>А.В. Симонёнок.</i> Интересы и стратегии стран Юго-Восточной Азии.....	29
<i>Е.В. Пустовойт.</i> Интересы и стратегия Монголии	33
<i>Р.В. Колесник.</i> Арктика – район возможных столкновений стран Северной Пацифики	36
Дискуссия	39

Сегодня много говорится об интеграции России в АТР, составляются разнообразные планы и стратегии развития региона. При этом авторы этих планов, как правило, отталкиваются от того, что хотелось бы видеть им самим, или от идей, благожелательно воспринимаемых в высших эшелонах власти. Однако, как это ни прискорбно, приходится констатировать, что от наших желаний результаты зависят в наименьшей степени. «Музыку» в этом регионе заказывает не Россия.

Чтобы строить реальные планы развития Тихоокеанской России, необходимо четко знать, как эта часть страны представлена в планах и стратегиях государств АТР. И уже потом, учитывая чужие взгляды и интересы, наметить вектор, по которому мы реально сможем двигаться. Имея в виду решение этой задачи, 20 июня 2013 г. отдел международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ провёл круглый стол «Тихоокеанская Россия в планах и стратегиях государств Азиатско-Тихоокеанского региона».

Целью дискуссии было формирование комплексного представления о роли и месте Тихоокеанской России в среднесрочных и долгосрочных планах государств АТР. Знание того, что реализация российских замыслов об интеграции в этот многоликий и динамичный регион в значительной степени зависит от интересов и политики доминирующих в нем государств, представляется исключительно важным для формирования тихоокеанской политики России и внешних связей дальневосточных территорий.

Заседание круглого стола вел директор института, д.и.н., профессор **Виктор Лаврентьевич Ларин**.

С сообщениями выступили:

- **Лариса Николаевна Гарусова**, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН,
- **Сергей Александрович Иванов**, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН,
- **Владимир Васильевич Кожевников**, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН,
- **Андрей Вадимович Полутов**, к.и.н., зав. центром японоведения ИИАЭ ДВО РАН,
- **Игорь Анатольевич Толстокулаков**, д.и.н., профессор, зав. центром международных отношений ИИАЭ ДВО РАН,
- **Анна Владимировна Симонёнок**, к.и.н., доцент кафедры Юго-Восточной Азии ДВФУ,
- **Роман Владимирович Колесник**, доцент кафедры судовождения МГУ им. Г.И. Невельского,
- **Евгений Валерьевич Пустовойт**, к.и.н., научный сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН.

Все доклады представлены в авторской редакции. Стенограмма обсуждения публикуется в сокращенном виде.

Интересы и стратегия США

Лариса Николаевна Гарусова,

доктор исторических наук, г. н. с. ИИАЭ ДВО
РАН.

Соединенные Штаты Америки (современный мировой и региональный лидер) главным направлением своей внешней политики в XXI в. избрали Азиатско-Тихоокеанский регион. **Цель тихоокеанской политики Вашингтона – сохранение мирового доминирования** в условиях растущего влияния («подъема») Китая. По словам президента Б. Обамы, Соединенные Штаты готовы и дальше оставаться лидером в АТР, понимая, что «успех Америки связан с экономическим ростом стран региона». В свою очередь, Азия, по словам бывшего госсекретаря Х. Клинтон, нуждается в том, чтобы Соединенные Штаты оставались её «динамичным экономическим партнером и оказывали стабилизирующее военное влияние»¹.

США сегодня позиционируют себя в АТР в качестве главного торгового и инвестиционного партнера, источника инноваций, которые приносят пользу рабочим и бизнесу по обе стороны Тихого океана. Они ежегодно принимают 350 тыс. азиатских студентов, являются «лидером открытых рынков и защитником универсальных прав человека». Из десяти крупнейших торговых партнеров Америки шесть находятся в АТР (Канада, КНР, Япония, Республика Корея, Мексика, Гонконг). По данным Госдепартамента, в 2009–2012 гг. страны АТЭС импортировали 60% общего объема экспорта американских товаров и около 40% экспорта американских частных услуг, поддерживая при этом примерно шесть миллионов американских рабочих мест².

Новая администрация, сформированная президентом Б. Обамой в феврале 2013 г., подтвердила готовность США к активному взаимодействию со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и «восстановлению регионального стратегического баланса». При этом было объявлено, что сфера американских стратегических интересов в АТР должна быть расширена за счет Южной Азии. Так, в программном выступлении в Конгрессе США зам. госсекретаря Дж. Юн отметил, что «восстановление нашего стратегического баланса (“rebalance”) в Азиатско-Тихоокеанском регионе отражает глубокое признание того, что Соединенные Штаты должны существенно увеличить свои политические, экономические и оборонные инвестиции в Азиатско-Тихоокеанский регион, имеющий фундаментальное значение для нашего будущего процветания и безопасности. Мы

¹ Clinton H.R. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm>

² APEC: 20th Annual Leaders' Meeting. Sept. 2012. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197530.htm>

связаны с Азией нашей географией, историей, союзами, экономиками и человеческими отношениями, значение которых будет только возрастать в следующем десятилетии. С учетом географических, исторических и экономических связей, Южная Азия будет играть решающую роль в этом начинании»³.

Сегодня в АТР сосредоточены главные для США вызовы XXI в.: подъем Китая, растущее влияние Индии, региональная нестабильность, связанная во многом с ядерной угрозой со стороны КНДР. Все это заставляет Вашингтон не только укреплять свои традиционные политические союзы, но и заниматься поиском новых партнеров в Пацифике. Одним из них могла стать и Россия. В свою очередь, место и роль России в АТР существенно зависит от тихоокеанской политики Соединенных Штатов Америки.

Отношение США к России в АТР можно охарактеризовать как парадоксальное. С одной стороны, Вашингтон понимает, что Россия и Соединенные Штаты являются ближайшими тихоокеанскими соседями в АТР, имеющими общую границу, а Дальний Восток России (Тихоокеанская Россия) и американское Западное побережье поддерживают на протяжении последних 20 лет стабильные, хотя и весьма неровные, экономические, политические и гуманитарные связи. С другой стороны, США практически никогда не упоминают Россию в азиатско-тихоокеанском контексте своей внешней политики. Тихоокеанский вектор российской внешней политики вообще игнорируется. Россия сегодня воспринимается Америкой скорее как восточноевропейская, нежели тихоокеанская держава.

Место и роль России в современной американской политике в целом весьма второстепенны, что наглядно обозначено в «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г. «Мы трудимся, чтобы построить более глубокие и эффективные партнерские отношения с другими ключевыми центрами влияния – включая Китай, Индию и Россию, так же как и со всё более и более влиятельными нациями, такими как Бразилия, Южная Африка, и Индонезия – так, чтобы мы могли сотрудничать по двусторонним и глобальным проблемам, с признанием того, что власть во взаимосвязанном мире, больше не является игрой с нулевым исходом»⁴. Очевидно, что место современной России, с точки зрения Вашингтона, находится между «ключевыми центрами влияния», с одной стороны, и странами «второго эшелона», – с другой. Роль России в мире, в свою очередь, во многом зависит от ее участия в решении глобальных проблем.

Упоминание Вашингтоном России в тихоокеанском контексте является скорее исключением, чем правилом. Таким исключением стало выступление Х. Клинтон на саммите АТЭС в г. Владивостоке. Госсекретарь США подчеркнула, что у США «нет проблем с Россией, играющей ответственную роль в Азии. На

³ Joseph Yun The Rebalance to Asia: Why South Asia Matters. Statement Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific. Washington, DC. February 26, 2013. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/02/205208.htm>

⁴National Security Strategy. May 2010. URL:

http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

деле мы приветствуем это. Соединенные Штаты хотят углубить свое экономическое сотрудничество с Россией в Азии, на Дальнем Востоке... Мы очень привержены сотрудничеству с Россией, особенно по вопросам экономического роста и повышению благосостояния». И далее выразила надежду, что форум РА-ТОП (Российско-Американского Тихоокеанского партнерства), намеченный на конец сентября 2012 г. в городе Такома (штат Вашингтон), поможет укреплению деловых связей между Тихоокеанскими побережьями Соединенных Штатов и России⁵.

После открытия российского Дальнего Востока внешнему миру на рубеже 80–90-х гг. XX в. Соединенные Штаты Америки наряду с ближайшими азиатскими соседями России – Китаем, Южной Кореей и Японией – стали весьма значимым контрагентом Тихоокеанской России. Именно в 1990-е гг. США проявили наибольший за последние 20 лет интерес к Дальневосточному региону. Это был период активного экономического, политического, гуманитарного сотрудничества и присутствия Америки в Тихоокеанской России. В 1998 г. была даже официально сформулирована «Американская правительственная стратегия для российского Дальнего Востока». Она разъясняла, что программа помощи правительства США Дальнему Востоку, которая реализовывалась с 1992 г., включала в себя задачи создания базовых институтов рыночной экономики, формирования основных управленческих навыков, обеспечение малого бизнеса доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям в регионе, поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества.

Внимание Соединенных Штатов к Тихоокеанской России в 1990-е гг. объяснялось рядом причин, часть из которых актуальна и сегодня:

– во-первых, интересами национальной и региональной безопасности Америки, обеспечение которой американское правительство видело через превращение постсоветской России в рыночно-демократическую страну по типу западных демократий. Тихоокеанская Россия особенно важна для ядерной безопасности США, поскольку это территория, соседствующая с Западным побережьем США, обладает мощным военным сегментом с ядерным арсеналом (Тихоокеанский флот);

– во-вторых, определенной экономической (ресурсно-сырьевой) заинтересованностью американской стороны, значение которой, однако, не следует преувеличивать. Определенным потенциалом обладают и транзитно-транспортные возможности Тихоокеанской России. На волне обсуждения этих возможностей в 1999 г. возник проект «Восток–Запад», предполагавший создание транспортного коридора от Такомы до Бреста;

⁵ Press Availability in Vladivostok, Russia, Hillary Rodham Clinton. Secretary of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/197534.htm>

– в-третьих, важнейшим стимулом для американского интереса к сотрудничеству с Дальним Востоком являются межгосударственные, межправительственные отношения. В 1990-е гг. они развивались в целом весьма успешно, США и РФ демонстрировали друг другу свою лояльность и симпатию на всех уровнях и направлениях взаимодействия.

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. началось свертывание американского делового и гуманитарного присутствия в Тихоокеанской России. Непреодолимыми препятствиями для развития сотрудничества стали, с точки зрения США, неблагоприятный инвестиционный климат на Дальнем Востоке⁶, существенное ухудшение российско-американских отношений, переориентация внешней политики России на Китай.

Сокращение масштабов американского присутствия на Дальнем Востоке на фоне поворота российской политики в сторону Китая долгое время не особенно беспокоило Вашингтон. Интерес к России в американской элите и обществе в целом минимизировался. Проведённый не так давно среди американских «академиков» (университетской профессуры) и «политиков» (действующих политиков и политических экспертов) социологический опрос засвидетельствовал катастрофически низкий интерес американской элиты к России. Только 3% университетских ученых считают территорию бывшего СССР, включая Россию, регионом, имеющим важное стратегическое значение для Соединенных Штатов. Эти же 3% «академиков» считают, что Россия и страны СНГ будут иметь стратегическую значимость для Америки через 20 лет. Политики-практики в своих оценках России проявили еще больший скептицизм. По их мнению, и сегодня, и через 20 лет, Россия сохранит нулевое (0%) значение для американской внешней политики⁷. Положительным для России является лишь тот факт, что население Америки всё же не воспринимает её враждебно. Согласно социологическим опросам Института Гэллапа 2012 г., только 2% американцев видят в России главного врага США (в Китае – 23%).

В официальных документах, связанных с азиатско-тихоокеанской стратегией США, Россия, в отличие от Китая, как правило, даже не упоминается. Минимальное присутствие России в АТР, имеющиеся разногласия между Москвой и Пекином, а также настороженное отношение некоторой части россиян к Китаю

⁶ Этот климат сохраняется и сегодня. Американцы критикуют Россию за «отсутствие власти закона», «криминализацию бизнеса», недостатки таможенного кодекса, двойное налогообложение, усложненную систему выдачи разрешений на работу для иностранных граждан, неразвитую инфраструктуру и т.д. Отсутствуют прямой воздушный коридор и морской судоходный маршрут, связывающие Камчатку, Магадан, Сахалин и другие регионы Дальнего Востока с Западным побережьем США. На сегодняшний день судоходная транспортировка от Западного побережья США до Камчатки через порт Владивосток занимает 45–60 суток. В США считают, что этот период может и должен быть уменьшен до 15–20 дней.

⁷ Опрос проводился специалистами старейшего американского университета – Колледжа Вильяма и Мэри. См.: TheIvoryTowerSurvey. How IR scholars see the world // Foreign Policy. Jan / Feb 2012. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/the_ivory_tower?page=full

и китайцам оцениваются Вашингтоном как некий индикатор и одновременно гарант безопасности Америки в регионе.

В настоящее время американское экономическое и гуманитарное присутствие в Тихоокеанской России достигло минимума. В силу разных причин прекратили свою работу многочисленные американские НКО и НПО на Дальнем Востоке. В структуре Генерального консульства США сегодня остались только визовый отдел, отдел образования, культуры и печати, представительство министерства сельского хозяйства. В октябре 2012 г. по всей России были закрыты представительства USAID, одно из которых работало на Дальнем Востоке и финансировало 30 программ в сфере поддержки малого бизнеса, рационального природопользования, здравоохранения, демократических инициатив и т.д.

Тихоокеанская Россия перестала быть сколько-нибудь значимым объектом «экономического» внимания Соединенных Штатов: доля США во внешней торговле ДВФО последние несколько лет составляла от 2,2 до 2,6% (в 1995 г. она достигала 16%). При этом Америка практически не импортирует дальневосточные товары, в то время как почти 8% от всего дальневосточного импорта (697,8 млн долл.) в 2011 г. составили товары из США. В настоящее время США являются главным торговым партнером лишь для Чукотского автономного округа. Доля американских инвестиций на Дальнем Востоке минимальна и составляет 0,1% в общем объеме иностранных капиталовложений⁸.

Минимально необходимые отношения российских и американских властей и бизнеса регионального уровня поддерживаются через Российско-Американское Тихоокеанское партнерство (РАТОП) – преемника некогда весьма эффективно работавшей межправительственной структуры – Инициативной рабочей группы «Российский Дальний Восток – Западное побережье США». Хотя в настоящее время реально работают только три сектора РАТОП: транспорт и торговля; энергетика, энергосбережение и высокие технологии (компания Майкрософт принимает участие в создании электронного правительства на Дальнем Востоке); природоохранная деятельность и туризм.

Эти сектора отражают суть экономических связей двух стран на Тихом океане и интерес США к конкретным сферам дальневосточной экономики. Прежде всего, это участие «Эксон Мобил» в проекте Сахалин-1 (10 млрд долл. инвестиций корпорации). Деятельность РАТОП в поддержании межрегионального российско-американского делового и гуманитарного партнерства во многом содействовала привлечению внимания Москвы и Вашингтона к Тихоокеанской России на саммите АТЭС 2012 г. Во Владивостоке были подписаны соглашения о межрегиональном сотрудничестве и создании охраняемого совместного природного комплекса «Берингия» на территории Чукотки и Аляски (на базе проекта, курируемого РАТОП в течение 20 лет).

⁸ Итаров Е. Почему Россия гордится членством в АТЭС? // Дальневосточный капитал № 08, 2012. URL: <http://www.zrpress.ru/dk/2012/08/56208/>

Если говорить о будущем, то наиболее реальным источником усиления интереса Соединенных Штатов к России в АТР и фактором трансформации американской политики в отношении Дальнего Востока становится рост мощи и влияния Китая. Эту проблему американские политики и эксперты рассматривают в двух проекциях:

– Россия как потенциальный союзник и партнер Америки в борьбе с общей угрозой – усилением Китая;

– Россия как один из источников существенного усиления Китая. В таком контексте она становится угрозой Соединенным Штатам.

По мнению американских экспертов, особенно опасным для Америки является сотрудничество России и Китая по ряду направлений, имеющих прямую территориальную связь с Дальним Востоком:

– нацеленность экспорта российских углеводородов преимущественно на китайские рынки;

– экспорт вооружений и военных технологий из России в КНР;

– поддержка или нейтралитет России в отношении Китая в так называемых «морских спорах» с союзниками США (Японией и Республикой Корея) за морские ресурсы Восточной Азии (природные, транспортно-коммуникационные, судоходные, стратегические и т.д.);

– возможность укрепления стратегического союза России и КНР на основе схождения позиций, касающихся некоторых международных вопросов, прежде всего ситуации вокруг КНДР.

Американские эксперты считают, что привлечение России на сторону США в Тихоокеанском регионе логичнее всего начинать через расширение экономического сотрудничества на Дальнем Востоке. Во-первых, здесь особенно заметно китайское влияние, воспринимаемое местным населением с опаской. Во-вторых, имеется некий «плацдарм», созданный американским бизнесом и политикой еще в 1990-е гг. Эксперт из Исследовательского института внешней политики (г. Филадельфия) Р.В. Ли в июле 2012 г., накануне саммита АТЭС, заявил, что США и их азиатские союзники (Япония и Республика Корея) «имеют очевидный интерес к развитию ДВР – как с целью получения доступа к природным богатствам региона, так и недопущения захвата Китаем первых ролей в решении вопросов политики развития региона»⁹.

Эксперт уверен, что сотрудничество с США и их союзниками на Дальнем Востоке выгодно России, так как «сдерживая растущее влияние Китая в регионе, другие тихоокеанские государства могут даже укрепить российский суверенитет, защищая при этом свои собственные интересы в Северо-Восточной Азии». В этом контексте нельзя исключать вероятности возрастания интереса США к Тихоокеанской России в ближайшее время. Проблема состоит в отсут-

⁹ Lee Rens. The Far East between Russia, China, and America. Foreign Policy Research Institute. July 2012. URL: <http://www.fpri.org/enotes/2012/201207.lee.fareast.html>

ствии гарантий, что американское «внимание» найдет позитивный отклик в Москве. Учитывая стойкие антиамериканские настроения в российской элите, вероятность такого развития событий невелика.

Таким образом, возможности и перспективы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI в. будут во многом зависеть от её отношений с мировым и региональным лидером – Соединенными Штатами Америки. Излишняя «демонстративность» Москвы в проявлении симпатий к Пекину может усилить напряженность в российско-американских отношениях. Россия способна усилить свои позиции в АТР и расширить региональное сотрудничество с США по ряду направлений:

- подключение к уже сложившимся в регионе двусторонним и многосторонним отношениям с участием США;
- отказ от политики «состязательности» в отношениях с США и Китаем;
- поиск возможностей для трехстороннего сотрудничества в формате Россия – Соединенные Штаты – Китай.

Интересы и стратегия Китая

Сергей Александрович Иванов,

м. н. с. отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН.

Проекция планов и стратегий стран АТР на Тихоокеанскую Россию может быть проведена в двух плоскостях. Одна связана с символическим присутствием российского государства в АТР в качестве политического и экономического игрока, другая – с физическим в виде территорий с населением, хозяйственной и военной инфраструктурой. Выгоды и риски в первой (основной) из них не обязательно будут идентичными для второй.

В 2010-е гг. Китай приобрел статус мировой державы, завоевав лидерство в области торговли в Восточной Азии, став крупнейшим мировым кредитором, наращивая военную силу, но при этом поддерживая статус-кво мировой политической системы и не оспаривая военно-политическое и экономическое доминирование США. Центральная власть КНР в настоящий период стоит перед сложной задачей обеспечения безболезненного перехода от исторически успешной, но исчерпавшей свой потенциал модели экспорто-ориентированного развития к модели быстрорастущего внутреннего рынка при сохранении своих экспортных позиций в мировой экономике. Для политики России на Тихом океане и развития ее тихоокеанских рубежей этот переход будет иметь в целом позитивные последствия, сохраняя в себе некоторые риски.

1. Стратегической задачей Китая останется поддержание максимальной открытости границ для экспорта своих товаров и капитала, а также импорта ресурсов и технологий. Россия не станет исключением. Она получит возможность диверсификации источников своей сырьевой ренты за счет развития тихоокеанского вектора сбыта полезных ископаемых, а также наполнения потребительского рынка дешевыми товарами. В то же время не следует переоценивать сырьевую и потребительскую значимость России в целом и ее тихоокеанских территорий в частности для КНР. Даже в случае значительного расширения своих инфраструктурных возможностей восточные районы России останутся для Китая лишь одним из многих источников нефти, газа, угля, металлов, древесины, лесоматериалов, рыбы и т.д. При этом усилится латентное противостояние между Россией и Китаем в борьбе вокруг сохранения остатков в российской промышленности и позиции в некоторых высокотехнологичных отраслях на мировом рынке, куда Китай успешно внедряется (военная техника, атомная энергетика и т.д.).

2. Для обеспечения экспорто-ориентированной части народного хозяйства заказами китайским властям придется поддерживать рост мировой экономики.

Большая часть свободных денег КНР будет по-прежнему уходить в центр мировой экономической системы – США, а также страны Европы. В России для китайского капитала привлекательным останется лишь сектор энергоресурсов.

3. В условиях постепенного снижения значимости международного рынка для развития собственной экономики центральное правительство КНР будет вынуждено поощрять национализм для мобилизации китайского общества и создания единого мощного национального рынка. Эта тенденция, безусловно, негативно отразится на взаимоотношениях с другими государствами, особенно соседними странами. Тем не менее Россия в ближайшее десятилетие (в отличие от большинства соседей Китая) не станет объектом прямых нападков, т.к. оба государства занимают близкие позиции в международной политической системе и испытывают схожие трудности во взаимодействии с ее лидерами, поэтому вынуждены выступать единым фронтом по многим международным проблемам. Для сохранения этого негласного альянса Китай будет заинтересован в политической стабильности России и её восточных районов. Национализм в Китае сохранит в себе российский вектор, связанный с консервацией требований ответственности по возврату «северных» территорий (юга Тихоокеанской России), однако не перейдет на высший уровень и не станет причиной политических конфликтов.

В целом Китай даст возможность поддержания и увеличения сырьевой ренты для центрального правительства РФ при сужении возможностей «несырьевого» роста как российского экономического пространства в целом, так и его тихоокеанских рубежей в частности. Одновременно системная близость двух государств на международно-политической арене не позволит взаимным латентным экономическим претензиям двух стран друг к другу перерасти в реальный конфликт и будет способствовать формированию благоприятной геополитической ситуации для экономического развития Дальнего Востока России.

Интересы и стратегии Японии

Владимир Васильевич Кожевников,
к.и.н., ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО
РАН.

По большому счету, как таковой фундаментально сформулированной доктрины национальной безопасности в Японии нет. Я имею в виду, что нет такой доктрины внешней политики, как, например, в США и России. Часто упоминаемые доктрины Ёсида, Фукуда, Миядзава и даже «Концепция комплексного обеспечения национальной безопасности» являются своего рода обобщениями относительно внешнеполитического курса страны на международной арене, разбросанными в различных официальных или полуофициальных материалах.

Причиной такого положения является то, что в основе международной деятельности страны лежит присущее японцам свойство адаптироваться или приспособливаться к окружающей среде, а не менять, а тем более, не ломать её.

Только в конце 90-х г. XX в. после серии серьезных экономических потрясений политико-академическая элита страны осознала необходимость выработки стратегического плана поведения Японии в XXI в., предусматривающего подготовку к предполагаемым угрозам и вызовам. В результате появился документ, получивший наименование «Концепции просвещенных национальных интересов». Эта «Концепция» является одним из редких комплексных документов, подготовленных группой аналитиков, довольно объективно оценивающих ситуацию в регионе и место в нем Японии.

Обычно в официальных речах японские политики редко оперируют категориями национальных интересов и безопасности. Редко эти термины фигурируют и в документах МИД Японии. Чаще и в тех, и в других присутствуют более привычные для японцев термины «мир», «стабильность». Возможно, это вызвано историческими традициями и менталитетом японцев.

Обычно внешнеполитические приоритеты Японии выделяются из содержания «Голубой книги по вопросам внешней политики», в которой анализируются отношения Японии с разными странами. Это официальная позиция, и в ней видны приоритеты государства. Традиционный порядок приоритетов с конца 2000-х г. следующий: 1) Азия и Тихий океан, 2) Северная Америка, 3) Латинская Америка и бассейн Карибского моря, 4) Европа, 5) Россия, Центральная Азия и Кавказ, 6) Ближний Восток и Северная Африка, 7) Африка.

В изданиях последних лет традиционно отмечается, что «Россия – это важная соседняя страна для Японии, и укрепление сотрудничества между Японией и Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только отвечает стратегическим интересами обеих стран, но и может способствовать стабильности и процветанию региона». Но главное, чего ждет Япония от России – это «достигнуть

окончательного решения проблемы северных территорий, самой большой проблемы в двусторонних отношениях», что, по твёрдому убеждению японских политиков, и будет «способствовать стабильности и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона»¹⁰.

В списке региональных приоритетов «Голубой книги» 2012 г. Россия по-прежнему находится в пятой группе наряду со странами Средней Азии и Кавказом. Более того, в последних изданиях всё меньше места уделяется экономическому сотрудничеству Японии с Россией, да и сам раздел по своему объёму уступает разделам, посвященным двусторонним отношениям Японии с другими странами, например, Китаем или Южной Кореей. Отдельного упоминания о Дальнем Востоке России в «Голубой книге» нет¹¹.

Такое упоминание есть в «Белой книге по вопросам обороны» В издании 2012 г. Россия стоит на четвёртом месте, в ней есть упоминание о российском Дальнем Востоке, правда исключительно с точки зрения размещения вооружённых сил на Южных Курилах и облётах Японии военными самолётами ДВФО.

Из официальных изданий и реальной политики Японии, видно, что в предшествующий период в отношениях с Россией Япония ставила главной стратегической целью решение территориальной проблемы исключительно по японскому сценарию – получение четырёх островов, причем желательно сразу всех. Компромиссы, на которые готова пойти японская сторона, могут затрагивать лишь детали их возвращения, судьбы живущих там жителей и другие технические вопросы. Возвращение четырёх островов рассматривается как проблема национального государственного суверенитета и национальной гордости, в силу чего надеяться на смягчение официальной позиции Японии нет оснований.

Предложения, иногда выдвигаемые некоторыми представителями японской академической среды и политиками, относительно того, чтобы согласиться на варианты Совместной декларации 1956 г. (Шикотан и Хабомаи), поделить их пополам или, как это сделал Ё. Мори в Москве в феврале 2013 г., предложив вариант 3:1, не должны обнадеживать российскую сторону.

Токио всё более опасается роста военного потенциала Китая и возможности его применения в океанской и морской зоне, включающих в том числе район Японских островов. Резкое обострение японо-китайских отношений из-за островов Сэнкаку в некоторой степени подталкивает Японию в сторону России.

Развитие российско-японских экономических отношений японская сторона всегда связывает с решением территориального вопроса и заключения мирного договора, декларируя, что после его заключения у японского бизнеса появится возможность расширять сотрудничество и увеличивать инвестиции в Россию и российский Дальний Восток. Но на данном этапе японских бизнесменов сдерживает не столько наличие территориальной проблемы, сколько отсутствие

¹⁰ URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2009/html/index.html>

¹¹ URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2012/html/index.html>

должных условий для предпринимательской деятельности в России. На сегодняшний день Япония входит в тройку наиболее крупных торговых партнеров дальневосточного региона. В 2012 г. объем товарооборота Дальнего Востока России с Японией составил 8,4 млрд долл. и увеличился по сравнению с докризисным уровнем 2008 г. на 1,4 млрд долл. Однако товарная структура внешней торговли носит однобокий характер. Перспективы изменения номенклатуры товаров пока не просматриваются. Хотя, по итогам последней встречи в верхах, вопрос экономических отношений был одним из главных. С другой стороны, все это уже было как в период советско-японских, так и в годы российско-японских отношений.

Итоги встречи в верхах в конце апреля 2013 г. в Москве дают основания для следующих выводов.

1. Главным политическим актором в регионе становится Китай, а не Россия. Тем не менее Россия для японских стратегов остается значимой величиной, не только потому, что она обладает еще достаточно мощным военным потенциалом, но и потому, что не исключено сближение России с Китаем, что беспокоит Японию в стратегическом плане.

2. В целом интерес Японии в отношении России представлен только необходимостью решения территориальной проблемы. Очевидно, что для японской стороны достижение политических целей в сотрудничестве с РФ довлеет над экономической составляющей. С точки зрения безопасности Япония в отношении России концентрирует внимание исключительно на военно-политическом факторе.

С другой стороны, нынешнее правительство Японии старается обозначить стремление идти на сближение с Россией. Это выразилось в акценте на развитие экономических отношений. Большая делегация промышленников сопровождала японского премьер-министра в поездке в Москву. Правда, все подписанные соглашения были в виде меморандумов. Из внешнеполитических факторов необходимо отметить договоренность о проведении совещания глав внешнеполитических и оборонных ведомств в формате «два плюс два». Таким образом, Россия стала третьей страной (после США и Австралии), с которой Япония будет регулярно проводить совещания по такому сценарию. Несмотря на отсутствие мирного договора, Япония предложила России такой же формат переговоров, как и странам-союзникам. Это было довольно неожиданно и расценивается как большой шаг вперед в двусторонних отношениях. В свою очередь, для России Япония стала пятой в мире (после США, Великобритании, Франции и Италии) и первой в Азии страной, с которой у нее есть договоренность о проведении совещаний «два плюс два». Внешне это выглядит как то, что Япония и Россия рассматривают друг друга как партнеров и поднимают отношения между собой до стратегического уровня.

Но в Японии сильна и другая точка зрения на российско-японские отношения. Согласно этой точке зрения Япония стала одной из наиболее развитых промышленных стран мира, а Советский Союз распался. По мнению сторонников этой точки зрения, зависимость России от экспорта нефти и газа не позволяет ей с оптимизмом смотреть в будущее, особенно в условиях развития технологической добычи сланцевого газа в США и возможности его импорта Японией. Эти аналитики особо подчеркивают тот факт, что в Москве «со стороны премьера Абэ не последовало безответственных заявлений по числу островов, которые должны быть включены в состав Северных территорий, подлежащих возвращению Японии. И это имеет важное значение». Токио считает, что для Японии правильно настаивать на возвращении всех четырех островов.

Политики полагают, что в новых условиях время работает на Японию: чем больше она ждет, тем выгоднее для нее становится ситуация. По их мнению, следует как стремиться к «чистой победе» (*иппон*, говоря языком дзюдо), так и искать возможности достижения «ничьей» (*хикивакэ*, как предложил в свое время В.В. Путин), но, в отличие от российского президента, они считают, что в любом случае, Япония не может поступиться принципом требования возврата всех четырех островов. «Если Япония пойдет на поспешный компромисс в этом вопросе, то в мировом сообществе и по другим вопросам к Японии станут относиться с пренебрежением»¹². Можно было бы не обращать особого внимания на эту точку зрения, но её сторонники – председатель совета директоров Исследовательского института «Евразия 21» Т. Фукиура и председатель Научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности (Ампокэн) С. Хакамада – накануне визита С. Абэ в Москву имели встречу с премьер-министром и высказали ему свои пожелания. Другими словами, они вхожи в правительство и могут напрямую делать свои рекомендации.

Таким образом, России не стоит рассчитывать на значительные изменения в российско-японских отношениях.

¹² URL: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/opinion/20130529.shtml>

Морская политика и стратегия Японии

Андрей Вадимович Полутов,
к. и. н., научный сотрудник ИИАЭ ДВО
РАН.

В 1945–1991 гг. Япония испытывала военно-политическое давление со стороны СССР, но японо-американский договор безопасности позволял ей сохранять военно-политический баланс и сосредоточить усилия на развитии экономики и внешней торговли. Особенностью последней стала ориентация на торгово-экономические отношения с США и странами Европы, так как путь на Дальний Восток СССР, в КНР и КНДР был закрыт «железным занавесом». В 1978 г. КНР приступила к реализации политики «открытых дверей», что предопределило новую конфигурацию сил и особенности экономического развития в зоне Японского и Восточно-Китайского морей.

В конце XX – начале XXI в. в зоне Восточно-Китайского, Южно-Китайского и южной части Японского морей сформировался мощный узел морской торговли и судоходства между Японией, КНР, Тайванем, Республикой Корея и Гонконгом, совокупный товарооборот между которыми в 2010 г. составил 1,31 трлн долл. (8,8% от мировой торговли). Совокупный товарооборот этих государств с США и странами Европы в том же году достиг 1,55 трлн долл. (10,4% от мировой торговли). Если прибавить к этому товарооборот с другими странами мира, то на долю Японии, КНР, Тайваня, Республики Корея и Гонконга приходится 30,8% всей мировой торговли.

В этой же зоне расположены 22 из 40 крупнейших портов мира, в первую очередь китайские, японские, южнокорейские и др., совокупный грузооборот которых в 2010 г. составил 5,75 млрд т. Обращает на себя внимание экспонентное развитие китайских портов. Так, в 2010 г. грузооборот Шанхая составил 534 млн т, а через два года он вырос до 730 млн т.

КНР, Республика Корея и Япония являются лидерами в мировом судостроении. В 2010 г. в КНР было построено 1413 судов общим водоизмещением 36,4 млн т, в Республике Корея – 526 судов общим водоизмещением 31,6 млн т, в Японии – 580 общим водоизмещением 20,2 млн т, а в 2012 г. 1436 – 38,9, 472 – 31,3, 586 – 17,4 соответственно. Во всех трёх странах наблюдается устойчивая динамика роста показателей в этой отрасли. То же самое можно сказать о Тайване, не говоря уже о Филиппинах и Вьетнаме, где также наблюдается интенсивный рост объёмов судостроения.

Торговый флот Японии, КНР, Республики Корея, Тайваня и Гонконга по состоянию на 2011 г., не считая судов под удобным флагом, насчитывал 5,6 тыс. ед. общим водоизмещением 17,4 млн т, 4,1 тыс. ед. – 37,9 млн т, 2,9 тыс. ед. – 12 млн т, 906 ед. – 2,9 млн т, 1,9 тыс. ед. – 70, 2 млн т соответственно. Всего на до-

лю Японии приходится 14%, КНР – 7,4%, Республики Корея – 3,4%, Гонконга – 2,7%, Тайваня – 2,4% от общего числа торговых судов в мире. Рыбопромышленный флот КНР, включая суда и катера, насчитывает 500 тыс. ед., Японии – 350 тыс. ед., Республики Корея – 200 тыс. ед., Тайваня – 150 тыс. ед., которые ведут промысел в прибрежной, морской и океанической зонах.

Очевидно, что морская деятельность играет роль локомотива в экономическом развитии и обеспечивает стабильность жизнедеятельности Японии, КНР, Республики Корея и Тайваня, в том числе их энергетическую безопасность за счёт морских перевозок нефти и газа. В 2011 г. Япония импортировала 208 млн т нефти, в том числе 81,7% – из стран Персидского залива и 2,8% из России. В том же году импорт сжиженного природного газа составил 78,5 млн т, из которых 19,1% было ввезено из Малайзии, 17,8% – из Австралии, 15,1% – из Катара, 11,9% – из Индонезии, 9,1% – из России. Импорт угля составил 175,2 млн т, в том числе 59,8% из Австралии, 20,2% из Индонезии, 6,5% из России, 5,5% из Канады и 3,6% из США.

Можно заключить, что в зоне Восточно-Китайского, Южно-Китайского и южной части Японского моря действует и развивается один из мировых центров торгово-экономического сотрудничества и морской торговли, участники которого в лице Японии, КНР, Республики Корея, Тайваня и Гонконга в своей деятельности используют единый алгоритм, обеспечивающий стабильность и баланс сил в политической, экономической и военной сферах.

Япония – островное государство, в основе ее политики и экономики лежит морепользование. Потерпев поражение в 1945 г., Япония отказалась от явных имперских амбиций и перешла к стратегии экономической экспансии, приоритетом в которой стало развитие морской деятельности, в первую очередь морские перевозки, судостроения и судоремонта, промышленного рыболовства: они стимулируют развитие многих отраслей японской экономики и влияют на мировые и региональные системы морской торговли, международной безопасности и рынки товаров и услуг морского происхождения.

Эту же модель используют Тайвань, Гонконг, Южная Корея (которая, будучи отрезана от материка по 38-й параллели, фактически живёт и развивается как островное государство) и КНР, рост экономики которой непосредственно зависит от развития морской деятельности. Таким образом, можно говорить об *«островной» модели политики и экономики* этих государств, тесно связанных между собой в историко-культурном отношении.

Эта модель быстро распространяется в других, менее развитых государствах Тихого океана. Можно полагать, что в ближайшем будущем она станет основой для формирования «Тихоокеанского архипелага» с японским и китайским полюсами силы, в который войдут практически все государства Тихого океана, а США будут проводить политику сдерживания и сохранения военно-политического баланса.

В этой связи стратегия Японии будет заключаться в комплексе мероприятий по дальнейшему расширению своей экономической экспансии и усилению деятельности в области морских перевозок, судостроения, разработки полезных ископаемых морского дна, промышленного рыболовства. Несомненно, Япония будет вынуждена конкурировать с КНР, которая преследует практически те же цели и будет стремиться к доминированию в наиболее перспективных районах Тихого океана.

Здесь следует сказать о стратегическом значении военно-морского флота. Условия и конфигурация тихоокеанского театра военных действий (ТВД) определяли и определяют ключевую роль военно-морского флота в любого рода конфликтах. Это обстоятельство требует от государств региона иметь национальные морские доктрины и военно-морские силы, что, в свою очередь, предопределяет формирование и развитие их морских стратегий в целях упреждения вероятных противников и постоянного сохранения за собой инициативы и стратегического преимущества.

История показывает, что чисто военная морская сила создавалась исключительно деспотическими и тоталитарными государствами. Так, военно-морской флот СССР был создан прежде всего для реализации стратегии глобального противостояния с США и странами НАТО. После распада СССР и окончания холодной войны он фактически прекратил своё существование как оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил. У современной России нет ясной морской политики, а следовательно, нет и адекватной стратегии военно-морских сил.

Морские политики Японии, КНР, Республики Корея и Тайваня, напротив, чётко определяют стратегии национальных военно-морских сил, главная задача которых в мирное время – активная защита всех видов морской деятельности. Закономерно, что рост военно-морской мощи КНР станет в ближайшие годы важным стратегическим фактором, влияющим на развитие политической и экономической ситуации в зоне Тихого океана, а борьба между государствами региона за доминирование на море будет обостряться.

В настоящее время Япония не располагает достаточными военно-морскими силами для защиты своих интересов в зоне Тихого океана и других районах Мирового океана. Однако нехватка таких сил компенсируется наращиванием тихоокеанской морской группировки США. Кроме того, Япония прилагает усилия по созданию совместно с Республикой Корея, Австралией, Сингапуром, Малайзией и другими государствами коллективных сил для обеспечения безопасности и свободы мореплавания в Японском, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, зоне Малаккского пролива и в восточной части Индийского океана, то есть в районах своих политических и экономических интересов.

Япония является естественным (по географическому положению) и опасным противником России. В ближайшем будущем она будет расширять свою мор-

скую политику и усиливать её экономическую и военную составляющие в целях укрепления своих позиций не только в зоне Японского, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, но и в южной и северной части Тихого океана. Тихоокеанская Россия будет с каждым годом испытывать всё более сильное военное и экономическое давление в Японском, Охотском и Беринговом морях, что, несомненно, скажется на её экономическом развитии, в первую очередь на морепользовании.

Интересы и стратегии государств Корейского полуострова

Игорь Анатольевич Толстоулаков,
д.и.н., профессор, зав. центром между-
народных отношений ИИАЭ ДВО РАН.

Мы неоднократно говорили, что ситуация на Корейском полуострове во многом определяет обстановку не только в Северо-Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, поэтому определение Кореи как ключевой страны в тихоокеанском партнерстве современной России для нас выглядит вполне обоснованным. Современная Корея наряду с другими государствами АТР является одним из стратегических и быстроразвивающихся районов мира, с ней «...связаны долгосрочные интересы России как евразийской державы»¹³, в том числе на берегах Тихоокеанской Азии. Складывающаяся в Северной Пацифике региональная система поддержания сотрудничества и безопасности определяется взаимодействием целого ряда факторов, не последнее место среди которых занимает корейский, связанный с существованием и взаимодействием двух корейских государств – Республики Корея и КНДР.

Заинтересованность в развитии прочных и взаимовыгодных отношений с Республикой Корея и внимательное отношение России к любому изменению ситуации в КНДР и на Корейском полуострове в целом тесно связаны с обеспечением собственных экономических и стратегических интересов, в первую очередь – с упрочением безопасности и стабильности российских дальневосточных рубежей.

Соглашаясь с тем, что США и КНР остаются ведущими акторами во всем многообразии регионального взаимодействия в СВА и АТР, нельзя не признавать нарастания усилий Республики Корея стать полноправным и равным участником политического и экономического процессов, развивающихся на азиатском побережье Тихого океана. Ёмкость товарного и инвестиционного рынков, финансовые и людские ресурсы, активное участие Южной Кореи в различных формах обмена и сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии – всё это неоднократно подкреплялось курсом корейских властей на обеспечение Кореи «подобающего и заслуженного положения» в системе международных и региональных отношений¹⁴.

¹³ Болятко А.В. Дальний Восток: в поисках стратегической стабильности. М., 2003. С. 3.

¹⁴ См., например: [Kim Young Sam]. Address by President Kim Young Sam on National Policies for 1996 (January 9, 1996): To Build a First-Class Nation by Righting the Wrongs of the Past and Improving the Quality of Life // Korea Observer. Spring 1996. Vol. XXVII, № 1.; [Roh Moo-hyun]. Address to the Nation by Roh Moo-hyun, Winner of the 16th Presidential Election. December 20, 2002. Online. Available: http://www.korea.net/kwnews/pub_focus/main.html. 2002. December 21.; [Ким Тэ Джун]. Ким Тэ Джун си-20

Начало 1990-х гг. ознаменовалось установлением новых парадигм российской политики на Корейском полуострове: внешнеполитический курс нашей страны на протяжении этого десятилетия характеризовался существенным отдалением от КНДР и достаточно тесным двусторонним сотрудничеством с Южной Кореей. Однако радужные перспективы «медового месяца» России и Республики Корея оказались не вполне обоснованными, сегодня оба государства вынуждены искать иные, более прагматические подходы к развитию двусторонних отношений.

Тихоокеанская Россия и Республика Корея

Первоочередная задача южнокорейского государства – достижение такого уровня безопасности, который гарантировал бы ему внутреннюю стабильность, активное участие в международном разделении труда на привычных и благоприятных для РК условиях и одновременно не допускал бы нарушения национального суверенитета. Все это прописано в концепции национальной безопасности Республики Корея¹⁵ и со всей очевидностью отражено в её достаточно прагматичном внешнеполитическом курсе¹⁶. Стратегия Республики Корея нацелена на поддержание сбалансированных отношений с Россией и определяет взаимодействие с ней в трёх основных сферах:

- сфера политического взаимодействия;
- экономическое и техническое сотрудничество;
- решение корейской проблемы.

— Сфера политического взаимодействия

На рубеже XX–XXI вв. политическим кредо южнокорейских руководителей стала «задача обретения новой международной самоидентификации»¹⁷, Республика Корея формировала имидж сильного и самостоятельного игрока на международной арене, свободного от «оков» традиционных союзнических отношений с США. На практике это обернулось некоторым удалением от Вашингтона, постоянным подчеркиванием своего равноправия в рамках военно-политического союза с США. Следует подчеркнуть также начало активного диалога с Пхеньяном, примирение с северокорейским руководством и ощутимое сближение с КНР не только в экономическом, но и в политическом плане, наблюдавшееся в период с конца 1990-х гг. до прихода к власти консервативной администрации.

бо дэтэтхонънёнъ чвиимса. Чонмун (Полный текст инаугурационной речи избранного на 15 президентский срок Ким Тэ Джуна) // Чунан Ильбо. 1998. 26 февраля; и др.

¹⁵ См.: Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009.

¹⁶ О «творческом прагматизме» внешнеполитического курса Южной Кореи подробнее см.:

И.А. Толстоулаков Стратегия национальной безопасности Республики Корея и Россия // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток, 2012. С. 295–296.

¹⁷ Воронцов А.В. Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 28.

Сегодня подобная политика в Сеуле признана ошибочной, попытка проведения независимого внешнеполитического курса оценивается как бесполезная трата ресурсов и национального потенциала, первое десятилетие текущего века оценивается не иначе как «потерянное десятилетие»¹⁸. Очевидно, что теперь Сеул исходит из убеждения в том, что претензии Южной Кореи на роль самостоятельного игрока в мировой политике оказались неудачными. Не отказываясь от перспективной цели повысить статус страны на международной арене, Республика Корея вновь предпочитает опираться на союз с США как военно-политический альянс, способствующий усилению её значимости на международной и региональной арене. Зависимость Южной Кореи от позиции США по принципиальным проблемам Тихоокеанской Азии нарастает, и на фоне развивающегося в Корее конфронтационного сценария она будет только крепнуть. Не только межкорейская конфронтация, но и усиление региональных позиций КНР подталкивают Сеул к «ренессансу» в отношениях с Вашингтоном.

Некоторое время назад Россия могла использовать в своих целях осторожные, но целенаправленные попытки Южной Кореи уйти от полного контроля со стороны Вашингтона, но сегодня этот политический ресурс утрачен. Очевидный дрейф Сеула в сторону традиционного союза с США не может не сказаться на политическом взаимодействии с Россией. Южнокорейское руководство опирается на годами проверенную стратегию и тактику безусловного следования в русле американской политики со всеми вытекающими последствиями для нашей страны.

Неизбежным результатом нового внешнеполитического курса Сеула становится коренная перестройка основ американо-южнокорейского союза. Если до недавнего времени США воспринимались в Республике Корея преимущественно как гарант против возможного нападения со стороны КНДР, то теперь Сеул выходит за рамки сдерживания северокорейской угрозы: Южной Корее предстоит внести более ощутимый вклад в реализацию глобальной политики Вашингтона. На фоне крепнущего и направленного на перспективу южнокорейско-американского альянса положение России в «Стратегии национальной безопасности Республики Корея» как официальном документе или одном из направлений южнокорейской внешней политики выглядит более чем скромно.

Ситуацию, складывающуюся сегодня в отношениях между Россией и Республикой Корея, мы можем оценить как исключительно неоднозначную. Очевидно, что южнокорейские лидеры осознают стремление России восстановить свое экономическое и политическое присутствие в АТР. Они допускают необходимость активного влияния нашей страны на корейскую проблему (прежде всего – на «умиротворение» Пхеньяна), но дать распространиться ему за пределы Корейского полуострова не готовы, что полностью коррелирует с тихоокеанской стратегией Вашингтона. Тем не менее устойчивый характер отношений России с КНДР и повышение её возможной роли в межкорейском взаимодей-

¹⁸ См.: Ли Мён Бак. Чудес не бывает. Сеул, 2009.

вии объективно служат интересам нашей страны, обуславливая повышение значимости Тихоокеанской России для всего региона СВА.

Следует учитывать и озабоченность нарастающим влиянием Китая в Северо-Восточной Азии и АТР. Республика Корея (как и Япония) воспринимает Россию в качестве возможного противовеса региональному доминированию КНР. Интересам Южной Кореи соответствует формальный статус России как серьезного партнера по СВА и АТР. Это способствует Республике Корея в достижении стратегического баланса в отношениях с ключевыми игроками – КНР и США. При этом сближение Российской Федерации и КНР (в т.ч. в рамках ШОС) весьма тревожит южнокорейских лидеров, прежде всего с точки зрения военно-политической составляющей регионального межгосударственного взаимодействия. И на этом поле у России также есть возможности политического маневра в отношениях с Южной Кореей и другими странами АТР.

—Экономическое и техническое сотрудничество

В последнее время Сеул возлагает на Россию серьезные экономические надежды. В русле прагматического подхода к проблемам межгосударственного сотрудничества с Россией взаимодействие с нашей страной рассматривается как создание условий для стабильного обеспечения национальной экономики энергоресурсами и минеральным сырьем. При этом учитывается также и возможность расширения экспорта в Россию южнокорейских товаров и услуг.

Обеспечением такого подхода заняты не только экономические ведомства Республики Корея, но и президентская администрация, министерство иностранных дел, другие правительственные структуры, достаточно далекие от экономики и торговли. Перед российской стороной настойчиво ставятся вопросы об участии южнокорейского бизнеса в реализации перспективных энергетических и сырьевых проектов на территории России. Складывается впечатление, что одним из приоритетов российской политики Сеула становится получение Южной Кореей положения ключевого партнера России в СВА, особенно в энергетической сфере. Напрашивается аналогия с позицией, которую в европейской энергетической политике России занимает Германия. С одной стороны, бесперебойное обеспечение энергоресурсами на выгодных для Кореи условиях является неотъемлемой и важной составляющей национальной безопасности южнокорейского государства и его растущей экономики; и здесь мы видим обширное и перспективное поле для политического маневра Российской Федерации. Однако приходится признать, что нынешняя стратегия Сеула существенно (и, главное, искусственно) сужает оговоренные ранее направления и перспективы двусторонних отношений.

Лидеры двух стран неоднократно вели речь об установлении «многостороннего доверительного партнерства»¹⁹, позволявшего несколько лет назад серьез-

¹⁹ См., например, материалы московского саммита 2004 г. (Тонъя Ильбо. 2004. 1 окт.).

но говорить о широком поле двустороннего сотрудничества, в том числе в области высоких технологий, космоса, инфраструктуры и т.д. Сегодня свыше 90% российского экспорта в РК приходится на энергоносители, сырье и металлы. Получается, что «прагматизм» южнокорейских властей превращает Россию в энергетическую и сырьевую базу Республики Корея, и это в свою очередь автоматически влечет снижение уровня межгосударственного взаимодействия. Возможность реально изменить ситуацию в ближайшее время выглядит весьма пессимистичной, прежде всего потому, что южнокорейская сторона заинтересована именно в таком варианте сотрудничества с Россией.

Под «стратегическим партнерством» с Россией понимается политическое сопровождение усилий южнокорейских деловых кругов, обеспечивающих и облегчающих доступ к российским природным ресурсам, в первую очередь углеводородному сырью Сибири и Дальнего Востока; при этом не следует забывать о попытках наших южнокорейских партнеров обеспечить себе выгодные конкурентные условия по сравнению с соседями по СВА – Китаем и Японией.

Республика Корея признает не только сырьевые или энергетические ресурсы Тихоокеанской России. На экспертном уровне обсуждаются различные варианты сотрудничества в сельском хозяйстве (обеспечение продовольственной безопасности в рамках АТЭС), закупок вооружений, развития трудовых ресурсов, наконец, совершенствования и развития транспортной системы СВА, включая межкорейские инфраструктурные проекты и освоение северного морского пути. Однако, по мнению южнокорейской стороны, современные российские реалии (неразвитость законодательных гарантий иностранным партнерам, засилье чиновно-бюрократического аппарата, коррупция) практически нивелируют возможность их взаимовыгодной эксплуатации.

В условиях безоговорочного приоритета партнерства с США надежды на взаимодействие Тихоокеанской России с Южной Кореей на более высоком уровне выглядят иллюзорными. В силу этой причины координация по актуальным международным и региональным вопросам между Россией и Республикой Корея возможна только там, где в этом в первую очередь нуждается сам Сеул, например, по поводу решения корейской проблемы, возобновления шестистороннего диалога и т.п. Но и в этом случае южнокорейские партнеры в целом будут придерживаться принципиальной линии, согласованной с США. Вне собственно проблематики Корейского полуострова другой, более обстоятельной политической повестки дня для двустороннего российско-южнокорейского формата, к сожалению, нет.

Единственное поле, на котором Россия пока ещё может разыгрывать южнокорейскую карту в противовес Вашингтону, заключается в планах США создать систему противоракетной обороны в АТР. Несмотря на очевидную проамериканскую направленность своей внешней политики, Республика Корея вплоть до последнего времени занимала осторожную позицию относительно создания региональной системы ПРО. Сеул опасается очевидных последствий: помех на

пути создания новой модели отношений на Корейском полуострове, а также возможных осложнений в отношениях с КНР. В то же время действия КНДР в первой половине 2013 г. провоцируют гонку вооружений в США и дают Вашингтону возможность предпринять ответные меры для защиты своих союзников – Японии и Южной Кореи, в том числе и развертывание региональную систему ПРО, других военных программ на Корейском полуострове и в США в целом, что в корне противоречит интересам Тихоокеанской России. Позиция Сеула в этом вопросе выглядит сегодня как никогда ранее неопределенной.

—Решение корейской проблемы

Россия воспринимается в Сеуле как важный ресурс для улучшения межкорейских отношений и решения корейской проблемы в целом.

Южнокорейские специалисты и дипломаты уверены, что сегодня нет условий для возврата к политике «солнечного тепла», когда в северокорейскую экономику со стороны Южной Кореи был внесен существенный вклад, но, как оказалось, он далеко не всегда шел на пользу делу, а часто служил милитаризации КНДР²⁰. Президент Пак Кынхе настойчиво повторяет, что её администрация готова к возобновлению межкорейского диалога, но только на основе «здорового смысла и международных норм»²¹. Очевидно, что условия для такого диалога должны создать союзные Пхеньяну государства – Россия и КНР, на которые перекладывается ответственность не только за «умиротворение» северокорейских лидеров, но и за судьбу народа, который нужно, прежде всего, накормить.

Даже в наиболее напряженный момент ранней весны 2013 г., когда конфронтация между КНДР и Республикой Корея достигла высшей точки, официальный Сеул занимал настороженно оптимистическую позицию, подчеркивая, что не верит в нацеленность Пхеньяна на полномасштабную войну на полуострове. При этом Южная Корея предпочитает, чтобы решение корейской проблемы пришло извне. Наиболее подходящий сценарий решения корейской проблемы извне – это «умиротворение Пхеньяна», а именно – удовлетворение ряда его требований, связанных с материальными потребностями и со снятием режима международной изоляции. При этом ни при каких условиях не могут быть признаны ядерные амбиции Северной Кореи.

России и КНР отводится роль главных доноров для материальной поддержки населения КНДР, а также самая сложная задача – убедить Пхеньян вернуться к режиму шестисторонних переговоров и возобновить межкорейский диалог.

²⁰ Международное радио Кореи. 2013. 16 февраля [Электр. ресурс]. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=30987¤t_page=3 (дата обращения: 22 февраля 2013 г.).

²¹ Международное радио Кореи. 2013. 12 июня [Электр. ресурс]. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=31084¤t_page=2 (дата обращения: 18 июня 2013 г.).

Тихоокеанская Россия и КНДР

На наш взгляд, наиболее удачным решением российских властей в области корейской политики за последние двадцать лет стал отказ от курса на очевидное «сближение с Югом и отдаление от Севера», выразившийся в улучшении межгосударственных отношений РФ и КНДР и поддержании сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами.

Однако в условиях изменившейся обстановки на полуострове очень сложно сохранять status quo в корейском вопросе на основе позиции «равной удаленности». Формирование нового политического режима в КНДР и непредсказуемость её военно-политического курса в последние два года ещё более осложняют позицию России.

Конкретное содержание современной северокорейской политики в отношении России во многом остается неопределенным даже для специалистов. Тем не менее, можно попытаться выделить несколько базовых принципов, проявляющихся в следующих сферах:

- политическое взаимодействие;
- экономическое сотрудничество;
- решение корейской проблемы.

— *Политическое взаимодействие*

В сфере политического взаимодействия КНДР и Российская Федерация формально остаются государствами – союзниками, о чем свидетельствует подписанный в феврале 2000 г. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, позволивший нормализовать двусторонние отношения. Проблема заключается в том, *насколько* эти союзнические отношения *остаются формальными*. Даже признав формальный характер этого союза, мы вынуждены согласиться, что Россия несет ответственность за выживание северокорейского режима. В Пхеньяне это не только понимают, но и готовы при случае воспользоваться российской помощью.

По отдельным юридическим проблемам, например, относительно давления США на КНДР, по содержанию режима международных санкций против Пхеньяна Россия уже прибегала к своему праву вето в СБ ООН и может применить его в самый угрожающий для северокорейского режима момент. Складывается впечатление, что лидеры КНДР надеются на это и даже готовы при удобном случае такой поддержкой злоупотребить. В то же время у северокорейских лидеров хватает здравомыслия понимать, что, исходя из собственных интересов, Россия никогда не согласится с изменением безъядерного статуса Корейского полуострова.

При этом Пхеньян объективно заинтересован в сохранении принципиальной позиции: в мирном и дипломатическом решении корейской проблемы в целом и ракетно-ядерной проблемы КНДР в частности. Защита такой позиции России на

любом международном или региональном уровне служит стратегической установке КНДР – собственному выживанию.

Таким образом, главное содержание северокорейской стратегии в отношении политического взаимодействия с Россией выглядит весьма утилитарным (или, если хотите, паразитическим): действия России обеспечивают выживание северокорейского режима.

—*Экономическое сотрудничество*

В идеале северокорейская сторона могла бы мечтать о возобновлении экономической помощи со стороны России (в том числе на безвозмездной основе), как это когда-то делал Советский Союз. Но мы полагаем, что в Пхеньяне достаточно реально оценивают её возможность, а точнее – невозможность.

В силу многих причин, о которых мы часто вели речь в этой аудитории²², наша страна не может безвозмездно помогать КНДР или повлиять на предоставление социалистической Корее юридических гарантий военной и политической безопасности, но у России есть возможность участвовать в решении северокорейской энергетической и ряда других экономических проблем.

Формирование нового режима экономических отношений в СВА с тесным включением в него КНДР отвечает интересам Тихоокеанской России, связанным с укреплением безопасности её дальневосточных рубежей. Очевидно, что и Северная Корея заинтересована в таком развитии ситуации. Именно экономические проекты могут стать основным средством для усиления влияния России на Корейском полуострове и в СВА в целом: здесь можно назвать и модернизацию северокорейских железных дорог, включая их стыковку с Транссибом; совместную разработку газовых и нефтяных месторождений Сибири и Сахалина; строительство ЛЭП и поставки электроэнергии в КНДР; участие в развитии мирной атомной энергетики на территории Северной Кореи и др. Включение КНДР в международный обмен экономического, гуманитарного и прочего характера при посреднической роли России – это вполне возможный вектор развития российско-северокорейских отношений. Он мог бы стать важным средством усиления региональных позиций Тихоокеанской России, однако реализация экономических проектов требует дополнительного ресурса – финансового участия Южной

²² См., например: *И.А. Толстоулаков* Ситуация в КНДР после смерти Ким Чен Ира в оценке южнокорейских экспертов // *Корейский полуостров после Ким Чен Ира: проблемы и вызовы для России*. Владивосток, 2013. С. 13–18; *И.А. Толстоулаков* Россия и государства Корейского полуострова // *Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы*. Владивосток, 2012. С. 96–100; *И.А. Толстоулаков* Политика России на Корейском полуострове: проблемы и перспективы // *Стратегические интересы и политика России и Австралии в АТР*. Владивосток, 2012. С. 22–29; *И.А. Толстоулаков* Россия в доктрине и стратегии национальной безопасности Республики Корея // *Стратегия национальной безопасности РФ в контексте обеспечения безопасности Тихоокеанской России*. Владивосток, 2010. С. 19–27; *И.А. Толстоулаков* Проблемы и перспективы российско-корейских отношений на современном этапе // *Проблемы Корейского полуострова в контексте интеграции России в АТР*. Владивосток, 2009. С. 2–14; и др.

Кореи. Реализация упомянутых проектов возможна исключительно на трехсторонней основе, объединяющей КНДР, Россию и Республику Корея.

Все это могло бы служить замечательным фундаментом для укрепления межкорейского взаимодействия, улучшения положения на полуострове, однако сегодняшняя ситуация с Кэсонским индустриальным комплексом, сложившаяся в результате произвола со стороны Пхеньяна, вряд ли добавляет энтузиазма южнокорейской стороне.

Одной из сохраняющихся доминант остается заинтересованность КНДР в сохранении и расширении своего присутствия в экономике Тихоокеанской России. Формы и масштабы этого присутствия нам хорошо известны, поэтому позвольте на них не останавливаться.

—Решение корейской проблемы

Для идеологизированного северокорейского режима есть лишь один вариант решения корейской проблемы – объединение страны на условиях и при доминировании КНДР. Лидеры социалистической Кореи отдают себе отчет в том, что надеяться на поддержку России в таком решении корейской проблемы не приходится. Поэтому в рамках стратегического курса Пхеньяна содействие России в решении корейской проблемы есть не что иное, как обеспечение условий для выживания северокорейского режима, о чем мы говорили выше.

В то же время Россия имеет потенциальную возможность стать посредником между Республикой Корея и КНДР с точки зрения развития трёхсторонних проектов экономического, гуманитарного и прочего характера, о них тоже шла речь выше. Главное – это определенной степени доверие к России, сохраняющееся как в Сеуле, так и в Пхеньяне. Признавая существование такой потенциальной возможности, мы вынуждены вновь делать оговорку: её реализация напрямую зависит от того, как в целом складывается межкорейское взаимодействие. В условиях нынешнего витка конфронтации на полуострове подобная возможность выглядит призрачной.

Реальное содержание стратегии КНДР в отношении Тихоокеанской России определяется сиюминутными потребностями северокорейского режима. К сожалению, очень часто она выглядит непредсказуемой и непоследовательной.

В заключение мы вновь вынуждены констатировать тот факт, что Россия объективно вынуждена довольствоваться ролью статиста, поскольку время, когда она могла влиять на развитие ситуации на Корейском полуострове, упущено. Единственное, что пока можно и пора начинать делать, это продумывать политику в отношении будущей единой Кореи. Следует прогнозировать вызовы, с которыми очевидно столкнется наша страна, и определяться с тем, каким образом можно будет обеспечить позитивный нейтралитет единой Кореи в отношениях с Россией.

Интересы и стратегии стран Юго-Восточной Азии

Анна Владимировна Симонёнок,
к.и.н., доцент кафедры Юго-Восточной Азии
ДВФУ.

Говоря о вопросах взаимодействия стран ЮВА с Тихоокеанской Россией, следует прежде всего отметить, что интересы этих стран в регионе лежат главным образом в практической плоскости: в сфере торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Ряд стран ЮВА не могут представлять сколь-нибудь серьёзного интереса для России в силу неразвитости своих экономик (Лаос, Камбоджа, Бирма). Другие страны, такие как Сингапур, Малайзия, Филиппины, Таиланд, проявляют некоторый интерес к Тихоокеанской России.

Сингапур и Малайзия готовы участвовать в проектах по созданию инфраструктуры (в частности, модернизации портового хозяйства на Дальнем Востоке) и в повышении эффективности работы железнодорожного транспорта, прежде всего Транссиба. Эти страны видят в регионе потенциал для создания одного из перспективных направлений международного транспортного коридора и планируют перенаправить часть транзита грузов из северной части Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу через Дальний Восток и Транссиб. Преследуя эти интересы, сингапурские инвесторы активно ведут переговоры об участии в создании особой экономической зоны портового типа в г. Советская Гавань Хабаровского края и даже выразили желание стать монопольными инвесторами в ОЭЗ и выкупить порт.

Сингапур также проявляет заметный интерес к освоению сельхозугодий на Востоке России. В сентябре 2012 г. вице-премьер Сингапура Тарман Шанмугаратнам подтвердил заинтересованность сингапурских компаний в инвестициях в российский АПК, особенно Дальнего Востока и Татарстана, и добавил, что Россия имеет стратегическое значение для Сингапура в сфере сельского хозяйства, т.к. у нее огромные площади сельскохозяйственных земель.

Малайзия кроме прочего видит в Дальнем Востоке потенциал для реализации своих туристических продуктов. Министр туризма Малайзии г-жа Дато Серри в июле 2012 г. в Хабаровске заявила, что ее страна решила начать открывать для себя Россию не с Запада, а с Востока, рассчитывая значительно увеличить количество туристов именно за счёт дальневосточных регионов.

Большой интерес вышеназванные страны проявляют к импорту российских энергоносителей. И хотя сейчас поставки нефти в страны ЮВА невелики (в Филиппины, в Сингапур – до 500 тыс. т, в Таиланд – чуть более 2 млн т), но экономики стран АСЕАН динамично развиваются, активно идут процессы модерни-

зации, урбанизации, электрификации, и в этих условиях спрос на нефть и газ будет только возрастать, а внутрирегиональных источников уже будет недостаточно.

Среди стран ЮВА в настоящий момент наибольший интерес к российским энергоносителям проявляет Таиланд. В структуре российского экспорта в Таиланд в последние годы свыше 50% поставок приходится на нефть и нефтепродукты. При этом Таиланд демонстрирует большую заинтересованность в поставках российского газа. Очевидно, что особый интерес для него представляют богатые углеводородами регионы Сибири и Дальнего Востока, где таиландский бизнес готов активно взаимодействовать с российскими компаниями в области нефте- и газодобычи и поставок энергоносителей. Осваивая это направление, крупнейшая нефтегазовая компания Таиланда Public Company Limited (PTT) в 2005 г. подписала с Газпромом стратегическое соглашение о сотрудничестве. Соглашение предусматривает широкое взаимодействие в нефтегазовой сфере, в т.ч. при освоении углеводородных ресурсов на Востоке России.

Интерес тайского бизнеса не ограничивается топливно-энергетической отраслью. В настоящий момент прорабатывается проект совместной разработки полезных ископаемых на территории Сибири, о. Сахалина, Магаданской области. Деревообрабатывающая отрасль Дальнего Востока – ещё одна область, потенциально вызывающая интерес у тайских инвесторов. Действующий в Таиланде запрет на промышленную заготовку леса и одновременно крайне напряженные отношения с Камбоджей – одним из основных поставщиков леса в ЮВА – вынуждают тайских предпринимателей искать новые рынки закупок древесины. В настоящий момент прорабатывается проект по участию тайских компаний в строительстве деревообрабатывающих заводов на Дальнем Востоке и в Сибири. А малазийская компания «Римбунан Хиджау» уже реализовала в Хабаровском крае проект строительства завода по производству древесноволокнистых плит.

Дальневосточный рынок рассматривается тайской стороной как одно из перспективных направлений продвижения своей продукции, главным образом сельскохозяйственной. В целях завоевания регионального рынка тайские инвесторы готовы вкладываться в создание совместных предприятий пищевой промышленности. Так, в Приморском крае группа компаний «Русагро» ведет согласование строительства вблизи Находки завода по переработке сахара-сырца, поставляемого из Таиланда.

В целом можно констатировать наличие интереса ряда стран ЮВА к Тихоокеанской России, хотя проектов регионального сотрудничества не много и большинство из них находится на стадии проработки. Совсем другая картина наблюдается в российско-вьетнамских региональных связях. Вьетнам – единственная страна ЮВА, с которой у России сложились отношения стратегического партнёрства. В 2001 г. руководители двух стран подписали «Декларацию о стра-

тегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам», где сформулированы долгосрочные цели и задачи сотрудничества в политической, экономической, научно-технологической, гуманитарной сферах, а также обозначены основные механизмы, методы и формы реализации сотрудничества. Во многом благодаря этому Вьетнам, единственная из стран ЮВА, имеет выстроенную стратегию отношений с Россией, чёткие планы двустороннего взаимодействия в различных сферах. На территории России реализовано около 20 крупных совместных проектов по различным направлениям.

По словам генерального консула СРВ во Владивостоке Ву Зыонг Хуана (занимал пост до 2012 г.), отношения между Вьетнамом и Дальним Востоком являются частью отношений между Вьетнамом и Россией, и развиваются они в одних и тех же ключевых направлениях, среди которых можно выделить военное, военно-промышленное сотрудничество, а также экономические, научно-технические и гуманитарные связи. Военное сотрудничество представлено активным взаимодействием Вьетнамской народной армии и ВМФ России в различных направлениях, от совместных учений и синхронизации действий кораблей и экипажей до подготовки вьетнамских военнослужащих. Огромную заинтересованность проявляет Вьетнам к военно-техническому сотрудничеству. Фактически благодаря усилиям России в скором времени у Республики Вьетнам появится подводный флот, и немалая заслуга в этом будет принадлежать дальневосточным судостроительным предприятиям. В августе 2012 г. на ОАО «Восточная верфь» для ВМС Вьетнама были построены два сторожевых корабля. Готовятся к передаче две подводные лодки класса «Варшавянка», ещё четыре планируется сдать к 2016 г. Ведется строительство плавучего причала и плавучего дока.

Руководство Вьетнама активно поддерживает стремление местного бизнеса налаживать инвестиционное сотрудничество с районами российского Дальнего Востока. В регионе уже действует множество предприятий с вьетнамскими инвестициями, солидный пакет предложений находится в стадии согласования. Наиболее интересно для вьетнамского капитала участие в совместных компаниях по переработке сельхозпродукции, морепродуктов, производству мебели и текстиля.

Участие вьетнамских рабочих в строительстве рассматривается вьетнамской стороной как одно из важных направлений сотрудничества с Дальним Востоком. Пока численность трудовых мигрантов из Вьетнама невелика (по разным подсчётам, 5–7% от общего числа иностранных рабочих на Дальнем Востоке). Однако Вьетнам рассчитывает на увеличение этой цифры, что можно рассматривать как одно из направлений его региональной стратегии. Стоящие перед страной проблемы перенаселения и, как следствие, безработицы вынуждают вьетнамцев искать пути расширения своего жизненного пространства, осваивать

новые территории. Малозаселённый Дальний Восток в этой связи выглядит наиболее привлекательным, и интерес к нему как к потенциальному региону расселения вьетнамская сторона постоянно держит в уме при составлении планов и проектов регионального сотрудничества.

Вьетнам видит в Тихоокеанской России большой научный и образовательный потенциал. Тихоокеанский институт океанографии, Институт биологии моря имеют давние и тесные контакты с научным сообществом Вьетнама и оказывают большую помощь в исследовании вьетнамского побережья, морского дна и островов с целью изучения их ресурсов и экологии.

В последние годы всё большей популярностью пользуются вузы Владивостока, в которых, по словам генконсула Вьетнама во Владивостоке, качество образования не ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге, а географически они расположены ближе. При этом не менее важным фактором является толерантность местного населения. В настоящий момент около 40 студентов из Вьетнама обучаются во ВГУЭСе и ДВФУ. В МГУ им. Невельского обучается группа курсантов из Вьетнама (по соглашению о подготовке специалистов с «Вьетсовпетро»).

Таким образом, ряд стран ЮВА имеет очевидные интересы в регионе, связывает с ним свои планы и проекты, однако у этих стран (за исключением Вьетнама) пока нет сколь-нибудь продуманной стратегии в отношении Дальнего Востока (как, впрочем, и России в целом), и это мешает активному взаимодействию и успешному сотрудничеству. Большая доля вины в этом и на российской стороне: коррупция, несовершенное таможенное, налоговое, валютное законодательство, недостатки правовой системы – эти и многие другие факторы постоянно упоминаются как препятствия на пути эффективного двустороннего и многостороннего взаимодействия. Но здесь хотелось бы отметить ещё один, на наш взгляд, не менее важный фактор – отсутствие видимой заинтересованности, а главное, активных действий с российской стороны как на местном, так и на региональном уровне в привлечении интереса иностранных партнёров к Тихоокеанской России, без чего вряд ли возможно дальнейшее успешное развитие.

Интересы и стратегия Монголии

Евгений Валерьевич Пустовойт,

к.и.н., научный сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

В конце XX в. в Монголии произошли кардинальные изменения политической системы, что послужило толчком для перехода к рыночным отношениям, смены моделей общественного развития, корректировки внешней политики. Не будучи самостоятельна в своей внешней политике на протяжении долгого времени и оказавшись предоставлена самой себе в конце 1980-х гг., Монголия была вынуждена искать новые векторы своей внешней политики.

На начальном этапе демократических преобразований Монголии необходимо было преодолеть оторванность от мировых процессов, урегулировать отношения с двумя соседями – Россией и Китаем, выработать совершенно новую внешнеполитическую доктрину, ориентированную не на одну страну, как это было раньше, а на ведущие страны мира, и в основе своей имеющую национальные, а не идеологические приоритеты. основополагающие идеи внешнеполитического курса новой Монголии были заложены в Программу действий первого коалиционного правительства осенью 1990 г.:

- полное использование внешних факторов для углубления перестройки и продвижения социально-экономического развития страны;
- соблюдение принципа равноправия и взаимной выгоды;
- открытая внешняя политика;
- определение объема и форм сотрудничества исходя из критериев эффективности;
- погашение внешних займов в короткие сроки за счет доходов, получаемых в ходе использования кредитов;
- предоставление льгот иностранным инвесторам;
- выбор проектов сотрудничества на конкурсной основе;
- создание специальной таможенной зоны и консигнационных складов;
- предоставление гарантий зарубежным инвесторам;
- обеспечение условий для перевода их прибылей за рубеж.

На следующем этапе внешняя политика Монголии была направлена на активизацию сотрудничества с США, Японией, Южной Кореей, Евросоюзом при сохранении курса на поддержку дружественных и взаимовыгодных политических связей с Россией и Китаем.

Корректировка внешней политики Монголии связана в первую очередь с новыми подходами к проблемам национальной безопасности, которые были определены в двух программных документах Монгольского парламента – Концеп-

цией национальной безопасности (КНБ) Монголии и Концепцией внешней политики Монголии.

КНБ прежде всего определяет основные аспекты национальной безопасности:

- безопасность существования страны;
- безопасность общественного строя и государственного устройства;
- безопасность прав и свобод граждан;
- экономическая безопасность;
- научно-технологическая безопасность;
- информационная безопасность;
- безопасность монгольской цивилизации;
- безопасность населения, его генетического фонда.

В КНБ представлен перечень потенциальных внешних угроз, свидетельствующий о том, что Монголия не исключает возможности попыток внешнего мира угрожать ее суверенитету и благополучию. В их числе:

- совершение или угроза совершения вооруженной агрессии против Монголии со стороны любого государства или других сил;
- проведение политики, направленной на насильственное изменение государственной независимости, на подрыв национального единства монгольского народа;
- препятствование свободному общению с другими государствами в соответствии с нормами международного права и оказание давления;
- организация и ведение террористической, диверсионной и разведывательной деятельности против Монголии и её граждан, а также провокация и содействие деятельности подобного рода;
- попытки посильно отстаивать идеи и интересы в Монголии и решать спорные вопросы посредством силовых методов;
- возникновение в мире, регионах и субрегионах противоречий, кризисов и вызовов, способных повлиять на Монголию и вовлечь ее в войну;
- нанесение вреда экономике Монголии, покушение на совершение государственного переворота, использование страны в качестве плацдарма для нажима и действий, направленных против других стран;
- изменение государственных границ, незаконный переход границы, нарушение пограничного режима;
- вовлечение в борьбу, столкновения и противоречия между приграничными странами, причинение ущерба в результате их внутренних противоречий и кризисов;
- массовый исход иммигрантов из соседних стран;
- возникновение природных и экологических бедствий, появление и распространение острых эпидемий.

Концепция внешней политики Монголии (КВП) во многом повторяла КНБ: с точки зрения внешней политики первый документ в основном касается определения внешней безопасности Монголии, а второй – путей, направлений и методов достижения целей, поставленных в КНБ.

Оформленные в КНБ и КВП и действующие в настоящее время задачи внешней политики заключаются в следующем: во-первых, средствами дипломатии защищать безопасность страны и ее национальные интересы; во-вторых, создавать благоприятные внешние условия для обеспечения экономического развития и научно-технического прогресса.

Во внешней политике на первое место выдвинулось сотрудничество с двумя соседними государствами – Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. На втором месте – курс на сотрудничество с высокоразвитыми странами – США, Японией, Южной Кореей, странами ЕС. Пытаясь уравновесить взаимосвязь с Россией и Китаем, Монголия приступила к поиску «третьей силы» в лице США.

Таким образом, какие-либо конкретные планы Монголии в Тихоокеанской России в официальных документах не просматриваются, но это не означает, что она не заинтересована в присутствии в этом регионе России.

Арктика – район возможных столкновений стран Северной Пацифики

Роман Владимирович Колесник,
доцент кафедры судовождения
МГУ им. Г.И. Невельского.

В настоящее время Арктика вызывает интерес многих государств мира, в том числе и ведущих азиатских стран. Реализацией этого интереса стало включение в мае 2013 г. на Восьмой сессии Арктического совета (существует с 1996 г. и играет главную роль в реализации многостороннего сотрудничества по Арктике), состоявшейся в шведском городе Кируна, новых стран: Индии, Италии, Японии, Китая, Южной Кореи и Сингапура – в качестве наблюдателей. Эти страны связывают с участием в Арктическом совете возможность каким-либо образом влиять на судьбу Арктики.

Стремление ведущих стран мира уменьшить транспортную затратность продукции своих экономик посредством открытия новых, более экономичных и безопасных транспортных путей вполне объяснимо. Северный морской путь (СМП) может стать альтернативой осуществляемым ныне перевозкам между портами Европы, Дальнего Востока и Северной Америки. Путешествие по нему из Европы в Японию составляет 7 тыс. морских миль и занимает 22 дня. Если плыть через Суэцкий канал, то путь длиной 11 тыс. морских миль занимает 35 дней и позволяет избежать угрозы нападения пиратов, снизить вероятность прохода судов через конфликтогенные территории. Так же объясним интерес к ресурсной составляющей Арктики. По приблизительным оценкам, в акваториях континентального шельфа морей Северного Ледовитого океана скрыто около 33% мировых запасов газа и 12% нефти. Ввиду того, что границы национальных территориальных секторов между арктическими государствами окончательно ещё не определены и не закреплены международными договорами, возникает иллюзия, что данные географические и природные богатства «вроде бы ничьи» и можно попытаться «решить их в свою пользу». Начали раздаваться голоса об оценочном применении к Арктике терминологии как части «общего достояния человечества» и о свободе навигации в Арктике. Подобный общий тон своими действиями задают США; главные оппоненты, Россия и Канада, отстаивающие секторальный принцип и региональный контроль над судоходством в Арктике.

Для реализации своих арктических устремлений Китай, Южная Корея, Сингапур и Япония проявляют активную внешнеполитическую деятельность, предпринимают шаги в области защиты окружающей среды и исследовательской деятельности. В ходе выполнения научно-исследовательских работ выполняются и гидрографические: промер по ходу движения судов-ледоколов, наблюдения

за ледовой обстановкой, анализ грунта, попутные гидрологические и гидрометеорологические наблюдения, контроль и анализ точности местоопределения судна.

Интересы в Арктике Японии, имеющей в составе сил самообороны современный ледокол, наиболее исторически продолжительны, их можно разделить на три составляющие. Первая – экология. Изучением Арктики Япония занимается уже несколько десятилетий. В 1991 г. была основана станция на Шпицбергене, сегодня Национальный институт полярных исследований участвует в совместных проектах на севере Скандинавии, в Гренландии, Канадской Арктике и в России. Япония является членом Международного комитета по арктическим наукам и других международных научных организаций, занимающихся Арктикой. Вторая – использование транспортных путей для грузовых перевозок в Европу и США. Исследованиями СМП в Японии еще с 1993 г. занимается неправительственная организация Японский исследовательский фонд океанической политики. При ее участии в 1993–1999 гг. Россией, Норвегией и Японией была реализована Международная программа Северного морского пути (INSROP), над которой работали эксперты из 14 стран. В сентябре 2011 г. японский сухогруз-балкер «Санко Одиссей» осуществил транспортировку железорудного концентрата из Мурманска в китайский порт, совершив первый в истории коммерческий транзит японского судна по СМП. Третья – разработка природных богатств Севера. Для Японии, почти полностью зависящей от импорта энергоресурсов, доступ к углеводородам всегда имел первостепенное значение. Кроме того, освоение арктических резервов будет соответствовать принципу диверсификации поставщиков энергоресурсов. Специалисты из Японии активно изучают новые способы добычи полезных ископаемых в холодных условиях. Были проведены успешные эксперименты по добыче газа из гидрата метана в Арктике совместно с Канадой и на Аляске совместно с США. Стратегия Японии (как и других заинтересованных азиатских стран) в области доступа к энергоресурсам Арктики заключается в том, чтобы на нынешнем этапе принимать участие в исследованиях месторождений полезных ископаемых совместно с арктическими странами с тем, чтобы в будущем иметь преференции в получении к ним доступа.

Республика Корея, ранее не имевшая собственных ледоколов, строит современный ледокол водоизмещением 7 тыс. т, чтоб впоследствии заняться геологоразведочными и исследовательскими работами в Арктике и далее совместно с другими странами приступить к освоению Северного морского пути. Не желая отставать от соседей, она основала свою антарктическую станцию «Сечжон» и наблюдательную станцию «Тасан» на арктическом архипелаге Свальбард (Шпицберген).

Политика Индии и Сингапура в Арктике больше сконцентрирована в области политических и финансово-экономических вопросов.

Китайский интерес к Арктике, наиболее значимый по сравнению с другими государствами и к тому же активно растущий, сформировался относительно недавно, в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и обосновывается превращением КНР в глобальную державу. Хотя формально интерес обосновывался вопросами экологии, охраны окружающей среды и желанием помочь «белым медведям», в реальности главное значение для Китая имеет доступ к новым стратегическим источникам сырья и энергоресурсов. За последние десятилетия в КНР создан самый крупный в мире дизельный ледокол, способный пробивать лед толщиной в 1,5 м. Готовится к спуску еще один, видимо, атомный ледокол, которому будет не страшен лед уже до 3,5–4 м. В ближайшей перспективе Китай планирует создание целой флотилии ледоколов современного класса. За последние годы КНР провела в арктических морях пять крупных научно-исследовательских экспедиций. В 2012 г. китайский ледокол «Селюнь» прошел по всему русскому Северному морскому пути с выходом на Шпицберген. Помимо проведения экспедиций и строительства ледоколов, в 2004 г. у Китая появилась крупная научно-исследовательская база на Норвежском арктическом архипелаге Шпицберген. Следует отметить и дружбу между Китаем и Исландией, наличие китайско-исландской зоны свободной торговли, что позволяет решать в Арктике не только экологические, но и политические вопросы. Также можно отметить раздающиеся в Пекине голоса о привлекательности термина «открытое море» применительно ко всей морской акватории Арктики.

С открытием нового маршрута (СМП) создаётся предпосылка создания нового логистико-транспортного центра, и на его роль наряду с Россией могут претендовать Япония и Китай. Это позволит создать важный экономический узел, находящийся в более выгодном географическом положении по сравнению с Гонконгом, Сингапуром или Пусаном. В этом случае можно ожидать усиления соперничества между заинтересованными государствами за контроль над морскими коммуникациями в арктических водах вокруг России и против России.

Развитие ситуации вокруг Арктики в обозримой перспективе может привести к значительному изменению геополитических реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На первом плане в освоении Арктики стоят экономические и научные интересы. В перспективе дальнейшего научного мониторинга Арктики чётко прослеживается гидрографическая составляющая как часть научного обеспечения и обоснования экономического развития. Внимание азиатских стран к Арктике открывает новые возможности для расширения их взаимодействия с Россией. Иностранные инвестиции и технологические разработки могли бы способствовать планам России по использованию СМП и развитию экономики прилегающих регионов. В целом азиатские страны АТР заинтересованы в недопущении конфронтации вокруг Арктики и будут стремиться продолжать двустороннее сотрудничество с арктическими государствами.

Дискуссия

В.Л. Ларин: Мы прослушали доклады, заявленные в программе, но у нас есть еще выступление по Австралии, которое тоже представляет определенный интерес в рамках поставленной проблемы.

В.С. Горохов (*почетный консул Австралии во Владивостоке*): Я не готовил письменного доклада, поэтому в моем выступлении, возможно, будут шероховатости. Хочу предупредить, что моя точка зрения не отражает официальную позицию консульства. Я выступаю здесь как частное лицо.

Краеугольный принцип развития Австралии до 2025 г. изложен в «Белой книге» правительства Австралии. Россия в этом документе рассматривается исключительно как европейская страна, хотя признаются её особые интересы в Азии. Будущее развитие Австралии на ближайший период рассматривается в контексте того, что центр мирового развития переместился в Азию, и благополучие Австралии будет зависеть от благополучия в этом регионе мира. В «Белой книге» очень четко проводится линия о том, что успешное развитие АТР будет определяться действиями США и Китая. Признаётся, что конфликты между ними неизбежны, однако задача Австралии, как и других стран региона, заключается в том, чтобы эти конфликты разрешались без использования силы, в интересах развития региона.

Исходя из этой краеугольной концепции, Австралия намеревается развивать отношения как со своим основным союзником – США, так и с Китаем. В ходе последнего визита премьер-министра Австралии в Китай это получило яркое выражение, когда было заявлено о стратегическом партнёрстве между Австралией и КНР. В Австралии это воспринимается как скачок, переход на новую ступень отношений. КНР становится не только ведущим направлением экспорта и импорта. Увеличивается взаимодействие с Китаем на политическом уровне, что дает Канберре больше уверенности в стабильных отношениях.

Признавая роль России в этом регионе, Австралия позитивно относится к укреплению позиций России в АТР. На сегодняшний день участие российского государства в делах региона является, с точки зрения Канберры, явно недостаточным, особенно в международных организациях региона, таких как АТЭС, Восточноазиатский саммит. Австралия положительно относится к вступлению России в эти организации и усилению ее роли в русле концепции бесконфликтного решения споров. Кроме того, она заинтересована в усилении роли России в решении таких конфликтных вопросов, как ситуация на Корейском полуострове, территориальные споры и др. Австралия приветствует роль России в регионе как фактора, способствующего сохранению баланса в отношениях между ключевыми игроками – КНР и США. Исходя из этого, Канберра выстраивает отношения с Москвой.

Прослушав доклады, я могу сказать, что у Австралии схожее с другими странами региона отношение к России. В настоящее время она не видит возможностей для серьезного прорыва в развитии отношений с РФ и не рассматривает Россию как стратегического игрока в этом регионе. В то же время она видит потенциал российского государства и готова развивать с ним существующие отношения. При этом Австралия находится в очень хорошей позиции, поскольку у нее нет конфликтных вопросов в двусторонних отношениях, по всем ключевым вопросам позиции РФ и Австралии совпадают. Инициатива, с точки зрения дальнейшего развития связей, должна принадлежать России. Австралия готова развивать отношения.

С точки зрения деловых кругов Австралии, Тихоокеанская Россия, – наиболее удобный плацдарм, с которого можно развивать экономические отношения с РФ в целом. Есть целый ряд проектов, в которых Австралия с удовольствием будет принимать участие. Однако развитие практически всех этих проектов сдерживается из чисто коммерческих соображений. Тихоокеанская Россия проигрывает в конкурентной борьбе не только с соседними тихоокеанскими странами, но и глобально. В качестве примера можно привести ситуацию с горно-рудной промышленностью – одной из самых сильных отраслей в Австралии. В настоящее время складывается ситуация, когда сокращение добычи руды и снижение цен на металлы и сырье заставляют всех производителей оборудования для горной промышленности уходить из Австралии и диверсифицировать свои рынки. Это очень большая отрасль экономики. Куда они уходят? Прежде всего, в Африку, где есть возможность для работы, потом в Латинскую Америку, затем в Казахстан и Монголию. И лишь по мере возможности в Тихоокеанскую Россию. При этом всем известно, что восточные районы РФ обладают большими запасами минерального сырья, нефти и газа, запасами далеко не изведанными, и что ещё можно здесь обнаружить – никому неизвестно. Но с точки зрения приоритетов Тихоокеанская Россия остается приоритетом второго уровня.

Завершая своё выступление, могу сказать, что Австралия заинтересована в развитии отношений с Россией также для обеспечения стабильности и для активизации экономических связей. Есть возможности для развития сотрудничества, поскольку структура экономики, отраслей промышленности Австралии совпадает с тем, что есть в Тихоокеанской России.

В.Л. Ларин: Итак, коллеги, что было особенно заметно в представленных сегодня докладах? Практически все выступавшие – доктора и кандидаты исторических наук. И все взглянули на проблему через призму истории. Это инерция, привычка. Но наша задача – заглянуть в будущее. Понятно, что история и прошлое влияют и на сегодняшний день, и на будущее. Давайте будем это держать в уме и всё же попытаемся спрогнозировать развитие ситуации исходя из

реальных стратегий, конкретных планов наших соседей. Что будут делать в бизнесе и политике заинтересованные страны?

Л.Н. Гарусова: Размышляя над этим вопросом, я очень пожалела, что США – не Китай, где стратегия развития определена на несколько лет вперед в документах партийного съезда (хотя и там могут быть какие-то коррективы). Но в принципе всем понятно, куда и для чего двигаться. Что касается США, то упоминание о России есть в разных документах, в том числе и в стратегии национальной безопасности США 2010 г. Это последнее, что есть на сегодняшний день. Во всех документах упоминания очень беглые. Если к этому добавить размышления над ежегодными выступлениями президента Б. Обамы перед членами конгресса и проследить в динамике стратегии 2002, 2006 и 2010 гг., то складывается следующая картина. Россия упоминается всё реже и в более критичном контексте: 2002 г. – союзник США в борьбе с терроризмом; 2006 г. – не такая демократичная страна, как хотелось бы; 2010 г. – США готовы развивать сотрудничество с Россией, если ее поведение будет соответствовать международным нормам. Возможности для сотрудничества – это ядерное сдерживание, торговля, глобальные проблемы типа терроризма, энергетика, климат и прочее.

В 1990-е гг. Россия во внешнеполитических документах США упоминалась после союзников – ЕС, Японии, Мексики и Канады – а далее шёл Китай. На рубеже 1990–2000-х гг. Китай и Россия упоминались в качестве важных направлений. Сейчас Россия упоминается после Китая и Индии среди стран второго эшелона, таких как Индонезия, Малайзия, Латинская Америка. Достаточно любезно упоминается, но в ряду второстепенных государств. При этом сложилась парадоксальная ситуация: между США и Россией нет глобальных ключевых разногласий ни в идеологии, ни в политике, ни в экономике. Отношения при этом достаточно сдержанные, а иногда даже хуже. Поэтому я согласна с мнением некоторых экспертов, что этот период в отношении между России и США надо пережить, не рассорившись. Глобальных противоречий нет, их не осталось. Переживём этот период – и, может быть, лет через пять начнется улучшение на фоне усиления давления и влияния Китая на международную среду. Это в качестве прогноза.

В.Л. Ларин: Вы сказали, что Россия для США – это восточноевропейская держава. Я бы хотел уточнить: восточноевропейская или глобальная?

Л.Н. Гарусова: Если она в одном ряду с Малайзией и Индонезией, то уже никак не глобальная. Я так поняла, что и в Австралии её не воспринимают как глобальную державу. И в ЕС, и везде. Единственный, кто воспринимает Россию в качестве глобальной державы – сама Россия. И, в качестве комплимента, иногда Китай. Россия – не глобальная держава, она сейчас периферийное государство.

В.Л. Ларин: Я думаю, это вопрос спорный. Один из пяти членов Совета безопасности ООН не может быть периферийным государством. Вообще, это

тема для будущего обсуждения. Какая Россия страна – глобальная или региональная? Европейская или вообще сама по себе?

С.А. Иванов: Отвечая на тот же вопрос, каковы будут интересы и стратегии Китая в будущем, я пытался не отталкиваться от официальной внешнеполитической стратегии с ее не меняющимися на протяжении нескольких десятилетий приоритетами, включая мирное экономическое развитие, сохранение территориальной целостности, отказ от стремления к гегемонии, поддержание мировой стабильности и т.д. Это не более чем риторика, и она не обязательно должна соответствовать реальным действиям государства. Есть глубинные процессы, которые определяют эту риторику. Я попытался на них сконцентрироваться в своем докладе.

В.Л. Ларин: Я сформулирую вопрос следующим образом. Один из важнейших стратегических принципов Китая – это обеспечить своё мирное окружение. С точки зрения этого интереса, какую роль играет Тихоокеанская Россия? Теоретически Китай заинтересован в том, чтобы эта территория была спокойной, чтобы на ней не усиливались позиции США. Заинтересован он в этом или нет? Я не утверждаю, что в стратегиях Китая должна быть прописана роль Тихоокеанской России. Но есть стратегии, где подразумевается, что какая-то территория выполняет определенную функцию, особенно если эта территория неспокойна и нестабильна.

Есть ещё несколько замечаний. Все, кто выступал, говорили преимущественно об одном – об интересе к российским энергоресурсам. Второй интерес, особенно со стороны Южной Кореи – это стабилизирующая роль России. Здесь она просматривается где-то между США и Китаем. Но ведь есть еще несколько ресурсов у региона, которые могут представлять интерес для соседей. Например, ресурс с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности стран региона. Это российское пространство, которое может служить обеспечению такой безопасности. И не только для производства сельхозпродукции. Это и пресная вода, которая становится важнейшим стратегическим ресурсом. Второе – это транспортный потенциал региона. Он есть, он никуда не ушел. Конечно, грустно сравнивать дальневосточные порты с Шанхаем, Шэньчжэнем или Пу-саном, но они существуют. Есть Транссиб. Потенциал Севморпути начинает рассматриваться весьма серьезно. Это ещё один фактор расширения жизненного пространства. Я уж не говорю о демографической проблеме, для того же самого Вьетнама, например. Это сфера какого-то жизненного пространства для Китая, для Кореи. Предположим, происходит объединение Кореи, и появляется много свободной рабочей силы. Что произойдет? Сколько миллионов безработных появится? Произойдет сокращение северокорейской армии, а она миллион насчитывает – куда их девать?

И.А. Толстокулаков: Это еще и отказ от тех форм, которыми они борются с безработными.

В.Л. Ларин: Естественно. И, наконец, никто не сказал об интеллектуальном ресурсе. Нужен он или не нужен? Востребован или нет? Возникает вопрос: почему это никто не упомянул? Ответы могут быть разные: либо в этих странах не знают об этих ресурсах, либо знают, но не придают им никакого значения, не считают существенными. Если первое, тогда их нужно пропагандировать. Если второе, то этот печальный факт надо признать. Кстати, по поводу ценности дальневосточного образования: то, что у нас здесь происходит, происходит везде в России. Кто сможет проследить проблему с интеллектуальным ресурсом? Мы должны говорить об этом, когда будем делать какие-то оценки. Надо будет делать не страновой подход, а смотреть на политический ресурс региона. Он ведь тоже присутствует, хотя и опосредованно. Как бы плохо мы ни говорили о нашем оборонительно-военном потенциале, но он есть. И этот потенциал ни японцы, ни китайцы, ни американцы не могут не учитывать. Хотелось бы, чтобы мы поговорили в таком проблемном ключе.

В.С. Горохов: По поводу ресурсов. Вы упоминали о книге, которая принадлежит перу австралийцев, «Тихоокеанская Россия», где они одними из первых стали использовать этот термин. Эта книга исходила из представления, что Тихоокеанская Россия обладает огромными ресурсами: интеллектуальными, транспортными, минеральными и т.д. На этом фоне строились слишком оптимистичные прогнозы о вхождении России в АТР. Ресурсы остались прежними, а вот подход к ним изменился. Ресурсы становятся значимыми с точки зрения экономики только тогда, когда они сопровождаются законодательством, инфраструктурой, которые позволяют кампаниям что-то с ними делать. Приведу маленький пример по транспортным коридорам. Это действительно огромный и востребованный ресурс. Идут огромные проекты по развитию минеральных и нефтегазовых комплексов в Казахстане. Есть два варианта транспортных коридоров, по которым можно доставлять туда грузы. Один – восточные порты, китайская железная дорога. Второй – дальневосточные порты, Транссиб и железная дорога в Казахстан. 90% грузов идут через Китай! Это при том, что китайские порты загружены, железная дорога не справляется с объемом перевозок. Самое интересное – что это не только иностранные, но и российские грузы. Этот ресурс мы совершенно не используем. Причина одна – российская таможня!

В.Л. Ларин: Вопрос в том, хотим ли мы эти ресурсы дать?

В.С. Горохов: Я бы сказал, вопрос в том, хотим ли и *умеет ли* мы их дать.

В.Л. Ларин: Наверное, хотим, но всё делаем со знаком «наоборот». Проблема заключается в том, что ресурсы есть, но мы не умеем их предложить.

В.С. Горохов: С точки зрения бизнеса невостребованный ресурс равен его отсутствию.

В.Л. Ларин: Тогда вопрос в эффективности управления. Точнее, неэффективном управлении.

И.В. Мозговой (*аспирант ИИАЭ*): Думаю, есть смысл рассматривать проблему на уровне подходов. Подход на общегосударственном уровне – выработка стратегии, политики развития. И региональный уровень – отдельные регионы страны начинают взаимодействовать между собой. Действительно, один из главных потенциальных ресурсов Приморского края – сельское хозяйство. Особенно для Японии. Как известно, там степень самообеспечения продуктами около 40%. При этом данная отрасль считается увядающей, стареет население, которое вовлечено в сельское хозяйство, увеличивается площадь земель, выведенных из сельскохозяйственного оборота. И японцы рассматривают Приморский край как один из потенциальных центров производства сельскохозяйственной продукции. Их интересуют, прежде всего, соя и рис. Япония также заинтересована не просто арендовать здесь участки и следить, чтобы местные крестьяне производили продукцию. Японцы заинтересованы во внедрении новых технологий, поставках сельскохозяйственной техники. Еще один важный момент – они заинтересованы в организации производства сахара в Приморском крае. Есть соответствующая программа развития нашего региона – строительство новых заводов по переработке сахара, внедрение соответствующего оборудования. Но проблема в том, что соответствующие агентства и органы, которые ответственны за развитие сельского хозяйства в крае в целом или по отдельным направлениям, в этом не заинтересованы. Либо вследствие каких-то бюрократических проволочек постоянно этот процесс затягивают. Банк Хоккайдо, один из влиятельных банков в Японии, активно продвигает эту тему, старается вывести японских производителей в наш регион, уже несколько лет ведутся переговоры с Департаментом сельского хозяйства Приморского края. Но в Департаменте то начальство меняется, то приоритеты – в итоге процесс стоит на месте. Что касается транспортной инфраструктуры, то здесь необходимо всё рассматривать в комплексе с нашей таможней, которая очень непрозрачна, с её формальностями, которые зачастую излишни. И ещё один момент. У Транссиба очень низкая пропускная способность, и по последним данным средняя скорость вагонов-товарняков составляет всего 40 км/ч. В таких условиях говорить о серьезной значимости Транссиба как транзитного центра нельзя.

Р.В. Колесник: У меня несколько замечаний касательно научно-интеллектуального потенциала Дальнего Востока. В России три учебных заведения в Санкт-Петербурге, Новороссийске и Владивостоке, которые готовят специалистов для моря, специалистов командного профиля, в том числе МГУ им. Невельского, где проходят подготовку молодые люди из Вьетнама, которые в будущем планируют работать капитанами, и закончил обучение даже представитель Монголии. Но нет государственного подхода, нет государственной программы обучать специалистов во Владивостоке. Также не видно и государственной политики в транспортной инфраструктуре.

В.Л. Ларин: Есть же транспортная стратегия Российской Федерации.

Р.В. Колесник: Она не работает.

И.А. Толстокулаков: Хотел бы немножко заострить предыдущие три выступления. Я согласен с тем, что мы практически не затронули очень многие ресурсы и возможности Тихоокеанской России. Но, к сожалению, возможность использования каждого из ресурсов, которые Виктор Лаврентьевич перечислил, по-моему, абсолютно ограничивается еще одним нашим «великолепным» ресурсом – бюрократическим. В качестве практического примера возьмем сельское хозяйство. Три года назад южнокорейская компания вырастила огромный урожай сои в Амурской области. И что с этой соей произошло? Её сгноили, в лучшем случае скормили остатки коровам. Потому что вывезти этот урожай так и не смогли. Бюрократический ресурс!

С.А. Иванов: Мне представляется, что дальневосточная элита, политическая и интеллектуальная, переоценивает значимость продовольственного и водного ресурсов. У нас был круглый стол по продовольственной безопасности стран Восточной Азии, на котором представитель Законодательного собрания Приморского края, курирующий вопросы развития регионального сельского хозяйства, заявил, что у нас зона рискованного земледелия. У Приамурья, возможно, есть потенциал, но Приамурье не накормит АТР. Зачем переоценивать роль нашей территории? Я понимаю зачем – надо доказать свою значимость перед Москвой, обосновать свое существование. Но нужно смотреть более рационально. Возьмем водные ресурсы. Ведь тот же Китай разрабатывает проект переброски воды с юга на север. Если бы ему жизненно необходима была наша вода, он бы вел переговоры с Россией.

Р.В. Колесник: А зачем вести переговоры, если воду можно забирать из Иртыша?

С.А. Иванов: Разговоры о туристическом потенциале тоже вызывают недоумение. На побережье можно отдыхать два-три месяца в году, и при этом цены сопоставимы с ценами в Таиланде или Вьетнаме: в противном случае туристический бизнес будет нерентабелен. Хорошо, что в Москве одумались и решили не создавать туристическую зону на острове Русском. Пожалуй, эти деньги лучше потратить на более реалистичные проекты. Продовольственный потенциал, о котором идет речь в докладе Валдайского клуба «К великому океану», на мой взгляд, также переоценен.

В.Л. Ларин: Но ведь там идет речь, в первую очередь, о потенциале Сибири.

А.Е. Кожевников (доцент ДВФУ): Мы сегодня говорим о влиянии нескольких факторов на развитие Тихоокеанской России. В политическом смысле она как таковая не воспринимается: воспринимается Россия в целом. И определенный интерес к России в АТР есть. Основной тренд в регионе – усиливающееся противостояние между США и КНР. Каждой из этих сторон нужны союзники или, по крайней мере, нейтральные акторы, которые не будут влиять на соотно-

шение сил. В этом ключе идет борьба за Россию. США заинтересованы, чтобы Россия не сблизилась с Китаем (ставка делается на либеральные проамериканские силы). Китай также посылает сигналы: вскоре после инаугурации В.В. Путина в газете «Жэньминь жибао» прозвучало предупреждение, чтобы Россия не сближалась с Соединенными Штатами. В экономической области все зависит от того, как мы распорядимся ресурсами. По словам С.Г. Лузянина, Китай предлагал построить к ним водовод из Байкала. Думаю, это будет реализовано в недалекой перспективе.

Р.В. Колесник: Бюрократические препоны останутся при любой власти, но ответственность за них чиновники должны нести персонально. Здесь важна роль прессы по выявлению таких лиц, тем более что Дальний Восток уже давно волился в единое информационное пространство. Об ответственности и заинтересованности местных властей свидетельствует и отсутствие их представителей на подобных круглых столах.

Л.Н. Гарусова: Уважаемые коллеги, после ваших докладов и замечаний у меня сложилось ощущение дежавю. Такие же дискуссии о ресурсах и потенциале проходили в конце 1990-х гг. Но давайте посмотрим, что есть в других странах региона: лес есть в Малайзии и Индонезии, дешевая квалифицированная рабочая сила есть в других странах, транспортные пути через Китай и Монголию выгоднее, чем через Россию. Если учесть всё это, то прогнозы будут не такими оптимистичными. К слову, в 1998 г. я беседовала с министром торговли штата Орегон. Он указывал, что аналогичные дальневосточным ресурсы есть в странах Юго-Восточной Азии, а то, что предоставляет Россия, не отвечает американским требованиям качества. Следовательно, не факт, что российские предложения будут востребованы.

А.В. Полутов: Одна из серьезнейших ошибок наших властей на протяжении последних более чем ста лет – то, что в России не были восприняты идеи А. Мэхэма о влиянии морской силы на мировую историю. У нас континентальное мышление, мы больше внимания уделяем Транссибу, считаем, что он нас спасет, а к портам относимся как к чему-то вторичному. В США военно-морской флот является стратегической силой, а в России флот всегда был оперативно-стратегическим. Между США и Китаем сейчас идет борьба за доминирование на море, подчеркиваю, *на море*, а не на суше. Это связано со всеми видами морской деятельности. У нас сейчас совместная деятельность ограничивается рыболовством с Японией. Отношение наших властей к сотрудничеству с зарубежными партнерами крайне пренебрежительное. Одно в недалеком прошлом ответственное лицо сказала, что на о-в Русский будут приезжать по 500 тыс. туристов в год. Сейчас краевые власти говорят о туристическом потоке в 12–13 млн чел. ежегодно. Но это просто невозможно: даже въездной туризм в Японию составляет 8 млн чел. Я думаю, нам нужно предлагать то, что можем, и то, что конкурентоспособно. А у нас ничего конкурентоспособного нет. Единственный вос-

требуемый наш потенциал – первичный и вторичный рынки вооружения. Вторичный рынок формируется из разности регламентных сроков: у нас вооружение отслужило свой срок, но оно годно по регламентам других стран. Вьетнам всегда был потребителем такого вооружения. У нас была фирма, занимавшаяся этими поставками, она зарабатывала огромные деньги. Хабаровский завод поставляет суда на воздушной полужке Южной Кореи. Мы можем строить и атомные подводные лодки, хотя возможности завода в Комсомольске-на-Амуре быстро сокращаются, можем строить дизельные подводные лодки. К последним есть интерес и у южнокорейской стороны. Есть возможность производить крылатые ракеты в экспортном исполнении на заводе «Прогресс». Подчеркиваю, экспорт вооружений – то небольшое, что у России осталось конкурентоспособным. Здесь нужна политическая воля. А пока мы продаем новые военные корабли Китаю, потому что у нас нет денег, чтобы их содержать.

В.Л. Ларин: Не могли бы Вы кратко объяснить, почему идет борьба за море?

А.В. Полутов: Потому что самая эффективная торговля – морская.

В.Л. Ларин: А каковы перспективы приморских портов?

А.В. Полутов: Далеко не радужные.

В.Л. Ларин: Из ваших слов следует, что России здесь делать нечего.

А.В. Полутов: Если она не будет развиваться.

В.Л. Ларин: Но ведь ваша ремарка подразумевает, что торговать нечем. Всё, что мы можем поставить за рубеж, находится далеко от приморских портов. Следовательно, они не нужны.

А.В. Полутов: Нет, они нужны.

В.Л. Ларин: Если я Вас правильно понял, России нужно подключаться к борьбе за море, но ей не с чем к ней подключаться, т.к. у нее слабые порты и отсутствует грузовая база. В таком случае, зачем нам вступать в эту борьбу?

А.В. Полутов: Нам нужно создать конкурентоспособный флот в соответствии с условиями региона.

И.А. Толстоулаков: В этом контексте наша задача – сохранить за собой Севморпуть, потому что в будущем может получиться так, что суда будут ходить по нему без нашего участия.

Р.В. Колесник: Хочу заметить, что с мая 2013 г. Китай стал наблюдателем Арктического совета не потому, что захотел этого, а потому, что его туда пустили, в том числе пустила и Россия.

В.В. Кожевников: У меня сложилось такое впечатление, что, по большому счету, ресурсов у нас нет. Транссиб, на мой взгляд, ресурсом не является, под сельское хозяйство Тихоокеанская Россия не приспособлена, это зона рискованного земледелия. По словам профессионалов, сухопутные транспортировки дальностью более 3000 км убыточнее морских. Переселение вьетнамцев в Приморье – проект, оторванный от реальности, т.к. наши климатические условия им

не подходят. Интеллектуальный ресурс у нас вроде бы есть, но 40% выпускников дальневосточных вузов хотят уехать за границу, уезжают, их там принимают. Фактически мы этот ресурс не бережем.

И.В. Мозговой: Хотел бы вновь обратиться к интеллектуальному и трудовому ресурсу. Чтобы привлечь инвестиции, нужно иметь четко разработанную программу развития, а не ограничиваться единичными мерами, такими как защитительные пошлины.

Л.Н. Гарусова: Обращусь к Монголии. Столько стран с ней хотят сотрудничать, хотя ресурсы у нее те же, что и на российском Дальнем Востоке.

Е.В. Пустовойт: Вся причина в законодательстве двух стран.

В.Г. Сапрыкин (*зав. департаментом международных связей администрации Владивостока*): Коллеги, ресурсы у нас есть, но мы их даже для себя не используем. Почему другие страны живут для себя, а мы думаем о ресурсах для кого-то? Мы не используем то, что имеем, поэтому уровень и качество жизни у нас плохие. Фактически зарубежным партнерам к нам идти неинтересно, без наших ресурсов (леса, газа и пр.) другие страны могут обойтись. По-моему, все заинтересованы в том, чтобы существовала такая Россия, какая она сейчас есть – относительно слабая. Жаль, что мы приходим к таким выводам, но ничего не делаем, даже для себя.

В.Л. Ларин: Подводим итоги. Можно констатировать, что поставленные задачи мы выполнили, хотя и выводы, к которым мы приходим, не радуют. Планов у России много. Очевидно, что ресурсы у Тихоокеанской России есть, и ресурсы немалые, в т.ч. интеллектуальные, территориальные, минеральные, энергетические. Да, они вызывают определённый интерес у соседей. Но приходится констатировать, что на международном и региональном рынках они фактически неконкурентоспособны. И причины тому сугубо внутренние, российские. Среди основных – недостаточное политическое и административное обеспечение, пренебрежительное отношение властей, неэффективная система управления. По этим причинам, как мы сегодня выяснили, серьёзных планов в отношении этих ресурсов не строит никто из наших соседей по региону. Сомнительно, чтобы в таких условиях они заинтересованно содействовали интеграции России в АТР и модернизации Тихоокеанской России.